

Н. КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ ❁ Дорога

Н. КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

Дорога

Н. КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

✻

Дорога

Стихотворения

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1985

P2
K78

Составление

Ф. Крандиевского, Д. Толстого, Т. Толстой

Предисловие

Валентина Катаева

Оформление

С. Данилова

К $\frac{4702010200-016}{028(01)-85}$ 89-85

© Предисловие, состав, оформление. Издательство «Художественная литература», 1985 г.

О Н. В. КРАНДИЕВСКОЙ-ТОЛСТОЙ

Мне хочется поделиться своими мыслями о стихах поэтессы, которые я так люблю, начиная с юности и до седых волос. К сожалению, имя Наталии Васильевны Крандиевской-Толстой знакомо немногим любителям поэзии.

«Забывтая поэтесса»! Как горестно и несправедливо это звучит!

Наталия Крандиевская была весьма требовательна к себе и писала немного. Однако по отношению к ее поэтическому творчеству вполне справедлива пословица: «Мал золотник, да дорог».

Вот я рассматриваю небольшую фотографию Наталии Васильевны — девушки в пору расцвета ее красоты — такой нежной и такой русской, северной: прелестные серые глаза, удивительный, я бы сказал, музыкальный овал лица, легкие русые волосы и тонкие летучие брови Снегурочки.

Что-то было в ней тогда «олонецкое», о чем она написала сама:

Так суждено преданьем, чтобы
У русской девы первый хмель
Одни лелеяли сугробы,
Румяный холод да метель.

И мне раскрылись колыбелью
Глухой Олонии снега,
В краю, где сумрачною елью
Озер синеют берега...

Не потому ль — всем розам юга
И всем обычаям назло —
В снегах, покуда пела вьюга,
Впервые сердце расцвело!

И чем смиреннее и туже
В бутон был скручен строгий цвет,
Тем горячее румянит стужа
Его негаданный расцвет!

(«Так суждено преданьем, чтобы...»)

В то же время кроме чего-то прелестно простонародного, старинного, олонецкого ей был в высшей степени присущ дух московской высокоинтеллигентной семьи, в которой она выросла. С детских лет она общалась с лучшими русскими писателями и художниками того времени. В доме, где она жила, частенько останавливался Горький. Это он подарил ей экземпляр бунинского «Листопада» с надписью: «Вот как писать надо!»

Наталия Крандиевская училась у всех и в частности у Бунина (особенно у него!), благоволившего к юной поэтессе.

В книге воспоминаний Наталии Васильевны, изданных уже после ее смерти, есть прелестный рассказ о ее отношениях с Буниным, ее старшим товарищем и любимым поэтом.

«Дрожа, я вынула тетрадь и принялась читать подряд, без остановки, о соловьях, о лилиях, о луне, о тоске, о любви, о чайках, о фиордах, о шхерах и камышах. Наконец Бунин меня остановил.

— Почему вы пишете про чаек? Вы их видели когда-нибудь вблизи? — спросил он. — Прожорливая,

неуклюжая птица с коротким туловищем. Пахнет от нее рыбой. А вы пишете: одинокая, грустная чайка. Да еще с собой ее сравниваете. Ай-ай-ай,— покачал он головой,— нехорошо. Комнатное вранье»¹.

Эту сценку Крандиевская описала очень живо. Она была отличным прозаиком, о чем свидетельствует книга ее воспоминаний.

Кстати, о Крандиевской-мемуаристке. Здесь я не могу удержаться, чтобы не привести описанную ею встречу А. Толстого с Маяковским однажды ночью в Москве, в 1918 году, в самый разгар революции.

«Москва. 1918 год. Морозная лунная ночь. ...Ни извозчиков, ни трамваев, ни освещения в городе нет. Если бы не луна, трудно было бы пробираться во тьме, по кривым переулкам, где ориентиром служат одни лишь костры на перекрестках, возле которых постовые проверяют у прохожих документы.

У одного из таких костров (где-то возле Лубянки) особенно многолюдно. Высокий человек в распахнутой шубе стоит у огня и, жестикулируя, декламирует стихи. Завидя нас, он кричит:

— Пролетарии, сюда! Пожалуйста греться.

Мы узнаем Маяковского.

— А, граф! — приветствует он Толстого величественным жестом хозяина.— Прошу к пролетарскому костру, ваше сиятельство! Будьте как дома.

...Маяковский протягивает руку в сторону Толстого, минуту молчит, затем торжественно произносит:

Я слабость к титулам питаю,
И этот граф мне по нутру,
Но всех сиятельств уступаю
Его сиятельству — костру!»²

¹ Н. Крандиевская - Толстая. Воспоминания. Лениздат, 1977, с. 40.

² Там же, с. 136.

Здесь Крандиевская предстает перед нами как отличный прозаик, способный в нескольких строчках дать целую картину лунной ночи в революционной Москве и отличный портрет Маяковского тех лет.

Но вернемся к Крандиевской-поэтессе. Творческая близость к своему учителю Бунину отнюдь не помешала ей найти собственную, одной ей присущую интонацию, основанную, впрочем, на самых лучших образцах отечественной поэзии прежних времен: Пушкин, Тютчев, Фет. Думаю, что наибольшее влияние на нее оказал Тютчев: в этом отразился дух того времени, когда она начинала.

Навсегда запомнилось мне одно из ее «тютчевских» стихотворений, посвященное памяти Скрябина¹:

Начало жизни было — звук.
Спираль во мгле гудела, пела,
Торжественный сужая круг,
Пока ядро не затвердело.

И стала сердцевиной твердь,
Цветущей, грубой плотью звука,
И стала музыка порукой
Того, что мы вернемся в смерть.

(«Начало жизни было — звук...»)

Впрочем, «идеалистичность» этого стихотворения была скорее модой, чем сущностью поэтессы.

Крандиевская всегда была реалистична. Ее мир был веществен. Он был осязаемым, зримым, плотским.

Крандиевская прежде всего видела предмет как таковой, а потом уже усложняла это видение философией и музыкой.

¹ Это стихотворение было написано в 1916 году. В 1954—1955 гг. Н. В. Крандиевская-Толстая переработала его в сонет. В настоящем издании приводится в последней редакции (см. с. 43). (*Примеч. сост.*)

Какая-то птичка вверху, на сосне,
Свистит в ля миноре две тонкие нотки.
Я слушаю долго ее в тишине,
Качаясь у берега в старенькой лодке.

Потом камыши раздвигаю веслом
И дальше плыву по озерным просторам.
На сердце особенно как-то светло
И птичьим согрето оно разговором.

(«Какая-то птичка вверху, на сосне...»)

Почти во всех вещах Крандиевской триада в такой последовательности: сначала зрение, потом слух и, наконец, мысль, идея, в чем она подчас противоречит собственному утверждению, что начало жизни было звук.

Наталия Крандиевская была женой А. Н. Толстого и, как говорится, «ушла в творческие интересы своего мужа, известного писателя, и в семейные заботы, а сама почти перестала писать». Однако она в самой своей сущности всегда оставалась поэтом; мне не хочется назвать ее поэтессой.

А. Н. Толстой не раз говорил, по свидетельству его биографов, как много значило в его творческой жизни общение с Наталией Васильевной. Известно, что она в значительной мере явилась прототипом Кати, одного из главных персонажей известной трилогии, в особенности в ее первой части «Сестры».

«Поздней осенью 1935 года,— пишет биограф,— Алексей Николаевич оставил семью и вскоре переехал в Москву. Наталья Васильевна вместе с сыновьями обосновалась в Ленинграде. Пережитое горе вернуло ей поэтический голос»¹.

¹ В. Мануйлов. О Н. В. Крандиевской-Толстой.— В кн.: Н. Крандиевская-Толстая. Вечерний свет. Л., «Советский писатель», 1972, с. 5.

Пронзительно горькими словами выражает Крандиевская пережитую ею личную драму. Все ее поэтическое существо восстает против того состояния, в котором в течение многих лет (лучших лет!) пребывала ее душа.

Она осуждена жестоко,
Уединенная любовь,

и дальше:

А мир цветет, как первозданный,
В скрещенье радуги и бурь,
И льет потоками на раны
И свет, и воздух, и лазурь.

С какой поразительной точностью назван современный мир, как «скрещенье радуги и бурь»!

И так мог сказать только поэт.

Житейские бури очистили душу поэта от всего, быть может, и прелестного (радужного!), но слишком мелкого. Крандиевская возмужала как поэт.

Она предчувствовала свой личный кризис уже давно, еще в молодости, когда писала:

Высокомерная молодость,
Я о тебе не жалею!
Полное пены и холода
Сердце беречь для кого?
.
Радуйся, к жертве готовое,
На острие вознесенное,
Зрей и цветы, испущенное
Сердце, и падай, как плод!

(«Высокомерная молодость...»)

Издаваемый сборник стихов «Дорога» разбит поэтессой на циклы: «Ветер», «Свет уединенный», «От лукавого», «Разлука», «Виноградный лист», «На озере

Селигер», «В осаде», «Памяти А. Н. Толстого», «Когда виден берег», «Венок сонетов», «Вечерний свет».

Уже по одним этим названиям можно представить всю сложность душевной жизни поэтессы. Кроме всего прочего ей довелось еще пережить страшную блокаду Ленинграда, о которой она написала самые свои, быть может, сильные стихи, где она проявила себя как советская женщина, гражданка и патриотка во всей своей нравственной силе и душевной красоте:

Мне это время по плечу,—
Не думай, что изнемогаю.
За битвой с песнею лечу
И в ногу с голодом шагаю.

И если надо выбирать
Судьбу — не обольщусь другою.
Утешусь гордою мечтою,—
За этот город умирать!

(«Ты пишешь письма, ты зовешь...»)

Стихи Крандиевской хочется бесконечно цитировать, так как почти каждое стихотворение — алмаз чистой воды. Вот стихотворение, посвященное внучке. Оно поражает зрелостью, пластикой, сердечным жаром и необыкновенной, поистине классической красотой формы:

Вот карточка. На ней мне — десять лет.
Глаза сердитые, висок подперт рукою.
Когда-то находили, что портрет
Похож, что я была действительно такою.

Жар-птицей детство отлетело вдаль,
И было ль детство? Или только сказка
Прочитана о детстве? И жила ль
На свете девочка, вот эта сероглазка?

Но есть свидетельство. И не солжет оно.
Ему, живому, сердце доверяет:
Мне трогательно видеть и смешно,
Как внучка в точности мой облик повторяет.
(«Вот карточка. На ней мне — десять лет...»)

Нельзя читать без восхищения эти стихи. Они одновременно и юны и зрелы.

Очень хорошо, что сборник «Дорога» пополнен новыми, еще мало известными вещами замечательной поэтессы Наталии Крандиевской.

Валентин Катаев

*Декабрь 1982 г.
Переделкино*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (21.01.1888—17.09.1963) — русская советская поэтесса, дочь прогрессивного публициста Василия Афанасьевича Крандиевского, который редактировал и издавал в Москве «Бюллетени литературы и жизни», и писательницы Анастасии Романовны Тарховой. Начала писать стихи в семилетнем возрасте, а печататься с четырнадцати лет. Автор сборников «Стихотворения» (М., 1913); «Стихи. Книга вторая» (Одесса, 1919); «От лукавого» (М., 1922); книги для детей «Звериная почта» (Л., 1925); «Вечерний свет» (Л., 1972); «Воспоминания» (Л., 1977).

Поэзию Н. В. Крандиевской-Толстой ценили такие писатели, как М. Горький, И. Бунин, А. Ахматова, О. Форш, Вяч. Шишков, К. Федин и другие.

В 1914 г. Н. Крандиевская стала женой А. Н. Толстого и вскоре почти перестала писать, если не считать стихов для либретто оперы «Декабристы». В 1935 г., когда А. Н. Толстой оставил семью, Н. В. Крандиев-

ская-Толстая начала писать цикл стихов «Разлука». В конце 30-х годов она соединила несколько циклов и дала им название «Дорога». Этот сборник пополнялся в последующие годы и послужил основой для настоящей книги. Первые три раздела составляют ранние стихотворения, которые поэтесса не включила в сборник «Дорога»: стихотворения о природе, о родной земле составляют раздел «Ветер»; философская лирика — раздел «Свет уединенный»; стихи о сложности человеческих отношений, о любви — раздел «От лукавого». Тематический принцип размещения стихотворений по этим разделам предложен составителями. Все следующие разделы книги составлены самой Н. В. Крандиевской-Толстой. Тексты печатаются по автографам, хранящимся в архиве Д. А. Толстого.

Дорога

В Е Т Е Р

(1906—1921)

О ветер, ветер! Трубач бездомный!
С порога жизни твой зов я слышу,—
Не ты ль баюкал трубою томной
Уют мой детский под зимней крышей?

Не ты ль так буйно трубил победу,
Метельный облак за мною мчащий,
Когда подслушал в санях беседу,
Подслушал голос, меня молящий?

И темной ночью не ты ли пел нам,
От ласк усталым, счастливым людям,
О счастье нашем беспеременном,
О том, что вместе всегда мы будем?

Теперь не ты ли в пути мне трубишь
Звенящей медью, походным рогом?
Все чаще, чаще встречаться любишь
Со мной, бездомной, по всем дорогам.

О верный сторож! Ты не забудешь,
Мои скитанья со мной кончая,
Я знаю, долго трубить ты будешь,
Глухою ночью мой крест качая.

О. Миртову

Полынь, трава степной дороги,
Твой горький стебель горче слез.
Церковный запах нежный, строгий,
Так далеко меня унес.

Дышу тобой, и вот пьяна я,
Стою у пыльного куста..
О, горечь русская степная,
И тишина, и широта!..

НА СЕВЕРЕ

Уныло гудит пароход у залива,
Мой милый уехал, я снова одна.
В окно мое яшень стучится пугливо,
И близится ночь, холодна и темна.

Уж дали морские, сливаясь, бледнеют,
И в хижине тени легли на полу,
И только неубранной кучей в углу
Гагары убитые мягко белеют.

Тихонько я к ним подошла, и стою,
И в пух белоснежный лицо свое прячу.
Пусть люди не видят, как горько я плачу,
Как милого горько люблю.

Ах, мир огромен в сумерках весной!
И жизнь в томлении к нам ласкова иначе...
Не ждать ли сердцу сладостной удачи,
Желанной встречи, прихоти шальной?

Как лица встречные бледнит и красит газ!
Не узнаю свое за зеркалом витрины...
Быть может, рядом, тут, проходишь ты сейчас,
Мне предназначенный, среди людей — единый!

ВЕСНА

Полна причудливых и ветреных утех,
Весна кружится в роще пробужденной
И теплою рукою обнаженной
Свивает вокруг себя забытый солнцем снег.

И разливается хмельная синева
От ясных глаз ее, и ветер, усмиренный,
Летит к ее ногам, покорный и влюбленный,
И выпрямляется замерзшая трава.

А там, навстречу ей, призывный шум встает,
И море темное и в пене, и в сверканье
Ей шлет апрельских волн соленое дыханье
И звуков буйных пестрый хоровод.

А П Р Е Л Ь

Опять, забыв о белых стужах,
Под клики первых журавлей
Апрель проснулся в светлых лужах,
На лоне тающих полей.

Кудрявый мальчик — смел и розов.
Ему в раскрытую ладонь
Сон, под корою злых морозов,
Влил обжигающий огонь.

И, встав от сна и пламенея,
Он побежал туда, в поля,
Где, вся дымясь и тихо млея,
Так заждалась его земля.

В весеннем небе замок белый
Воздвигнут грудой облаков,
Струится воздух онемелый
Вокруг сияющих углов.

О, призрак нежный и случайный!
Опять я слышу давний зов,
Опять красой необычайной
Ты манишь с дальних берегов,

Но вот подул небесный ветер,
Рванул — и стены сокрушил...
Гляжу, как вдаль, и чист, и светел,
Твой остов тающий поплыл.

Истома дней опаловых,
Июля тишина.
Вся в ягодах коралловых
Поникла бузина.

За садом речка ленится
Катить свое стекло,
Лишь парится, лишь пенится
И сонно, и светло.

Плывет от лип разморенных
Тяжелый, сладкий дух,
А у окон растворенных
Не счесть звенящих мух.

Ах, только и мечтается —
Под липой в уголке
Весь день, качаясь, маяться
В скрипучем гамаке!

Все мне вспоминаются
Запахи петуний,
Дачный вальс печалится,
В небе — полнолуние.
Сырость клумбы политой,
Где-то скрип калитки,
На груди приколотый
Цветик маргаритки.
Счастье, запыленное
Легкой, смертной пылью,
Ты ли, немудреное,
Кажешься мне — былью?

1918. Москва

Идти в полях дорогой дальней,
Где тишина, где пахнет рожь,
Где полдень душный и хрустальный
Так по-знакомому хорош.

Идти и встретить ветер теплый,
Кусты полыни, вольных птиц,
Да странника в рубахе блеклой,
Да спины наклоненных жниц.

И знать, что нет конца дороге,
Что будешь так идти, идти,
Пока не смел погост убогий
В одну дорогу все пути!

Сыплет звезды август холодеющий,
Небеса студены, ночи — сини.
Лунный пламень, млеющий, негреющий,
Проплывает облаком в пустыне.

О, моя любовь незавершенная,
В сердце холодеющая нежность!
Для кого душа моя зажженная
Падает звездой в безнадежность?

Ложится осени загар
На лист, еще живой и крепкий,
На яблока душистый шар,
Нагрузший тяжело на ветке,
И на поля, и на края
Осенних рощ, еще нарядных,
И на кудрях твоих прохладных,
Любовь моя, краса моя!

Отчего волнует слово — роза?
И о чем его напоминанье?
Повторяю долго слово — роза,
Слышу древнее его благоуханье.
Словно я тебя вдыхала, роза,
Прежде, чем вдохнула воздух мира, —
Грубый воздух зноя и мороза, —
Словно цвел мой дух тобою, роза,
На полях блаженного эфира!

Июнь 1917

ЭЛЕГИЯ

Брожу по ветреному саду.
Шумят багровые листья.
Пройдусь, вернусь, у клумбы сяду,
Гляжу на дали с высоты.

Как осенью красивы зори,
Когда и золото, и сталь
Изнемогают в равном споре
И льют прохладу и печаль!

Как осенью красивы думы!
В душе и горше, и сильней
Под эти золотые шумы
Воспомяненье нежных дней.

Давно ли вместе, ах, давно ли
Мы пили дней июльских тишь?
О время, время, ты бежишь,
Ты непокорно нашей воле!

Я милые следы найду,
Скажу прости былым отрадам.
Пусть стынут на скамье в саду
Два сердца, вырезаны рядом...

Маме моей

Сердцу каждому внятен
Смертный зов в октябре.
Без просвета, без пятен
Небо в белой коре.

Стынет зябкое поле,
И ни ветер, ни дождь
Не спугнут уже боле
Воронья голых рощ.

Но не страшно, не больно...
Целый день средь дорог
Так протяжно и вольно
Смерть трубит в белый рог.

Кто знает сумерки в глуши?
Так долог день. Читать устанешь.
Побродишь в комнатах в тиши
И у окна без думы встанешь.

Над речкой церковь. Дальше — поле,
Снега, снега... За ними лес.
Опять снега. Растут все боле,
До самых пасмурных небес.

Беззвездный, серый вечер стынет,
Придвинул тени на снегу,
И ждешь, когда еще придвинет
Последнюю на берегу.

Уже темно. Фонарик бледный
Во тьме затеплил желтый глаз,
Унылый сторож жизни бедной,
Бессонно стерегущий нас.

Вот бубенец звенит дорожный.
В пыли метельной пролетел

Ямщик с кибиткою. Запел
И оборвался звон тревожный.

Звенит над полем высоко,
Все тише, тише... Реже, реже...
Есть где-то жизнь, но далеко!
Есть где-то счастье, но где же?..

В МОСКВЕ

Как на бульварах весело среди снега белого,
Как тонко в небе кружево заиндевелое!
В сугробах первых улица, светло затихшая,
И церковь с колоколенкой, в снегу поникшая.
Как четко слово каждое. Прохожий косится,
И смех нежданно-радостный светло разносится.
Иду знакомой улицей. В садах от инея
Пышней и толще кажутся деревья синие.
А в небе солнце белое едва туманится,
И белый день так призрачно, так долго тянется.

Мороз затуманил широкие окна,
В узор перевиты цветы и волокна.
Дохни в уголок горячо, осторожно,
В отталом стекле увидеть тогда можно,
Какой нынче праздник земле уготован,
Как светел наш сад, в серебро весь закован,
Как там, в небесах, и багряно, и ало,
Морозное солнце над крышами встало.

Засыпаю рано, как дети,
Просыпаюсь с первыми птицами,
И стихи пишу на рассвете,
И в тетрадь между страницами,
Как закладку красного шелка,
Я кладу виноградный лист.
Разгорается золотом шелка
Между ставнями. Белый батист
Занавески ветер колышет,
Словно утро в окно мое дышит
Благовоньем долин
И о новой заре лепечет.
Встать. Холодной воды кувшин
Опрокинуть на сонные плечи,
Чтобы утра веселый озноб
Залил светом ночные трещинки.
А потом так запеть, чтобы песни потоп
Всех дроздов затопил в орешнике!

Сухой и серый лист маслины,
Кружащий по дороге низко,
И пар, висящий над долиной,—
Все говорит, что море близко.

У хижин рыбаков темнеют
Черно-просмоленные сетки.
Иду и жду, когда повеет
В лицо соленый ветер крепкий.

И сладок путнику бывает
Привал у вод прохладно-синих,
Где море в голубых пустынях
Полдневный солнца шар качает.

Уже пушистый хохолок
На кукурузах зацветает,
Уже утрами залетает
За ставни бодрый холодок,—
А розы все еще в цвету,
Как чудо радостное юга.
И вечерами на мосту
Целует рыбака подруга.
И медлит солнце на холмах,
На золотых струях Гаронны,
Покуда осень, как монах,
Кладет смиренные поклоны.

ПРОГУЛКА С СЫНОМ

Булонский лес осенним утром,
Туман, прохлада и роса,
И солнце, вялым перламутром
Плывущее на небеса.

Красива ранняя прогулка,
Когда сентябрь зажег костры.
Шаги в аллеях слышны гулко,
И камни гравия остры.

Мне мил осенний холод зрелый.
Иду я с мальчиком моим
По этим светлым, опустелым,
Дорогам влажно-золотым.

Лелея творческую скуку,
Мне хорошо без слов брести
И друга маленькую руку
В своей, уверенной, нести.

Босоногий мальчик смуглый
Топчет спелый виноград.
Сок стекает в желоб круглый.
В темных бочках бродит яд.

Наклонись-ка! Не отрада ль
Слышать ухом жаркий гул,
Словно лавы виноградарь
С кислой пеной зачерпнул!

Над сараем зной и мухи.
Пусть. Ведь сказано давно:
Если дни и ночи сухи —
Будет доброе вино.

23 сентября 1921

С севера — болота и леса,
С юга — степи, с запада — Карпаты,
Тусклая над морем полоса —
Балтики зловещие закаты.

А с востока — дали, дали, дали,
Зори, ветер, песни, облака,
Золото и сосны на Урале
И руды железная река.

Ходят в реках рыбы-исполины,
Рыщут в пущах злые кабаны,
Стонет в поле голос лебединый,
Дикий голос воли и весны.

Зреет в небе, зреет, словно колос,
Узкая медовая луна...
Помнит сердце, помнит! Уколосось
Памятью на вечны времена.

Видно, не забыть уж мне до гроба
Этого хмельного питья,
Что испили мы с тобою оба,
Родина моя!

Декабрь 1920. Париж

С В Е Т У Е Д И Н Е Н Н Ы Й

(1906—1921)

Звуки колыбельные доносятся ко мне.
Чей-то голос ласковый задумчиво звенит,
Сказку монотонную кому-то говорит...
Тени расплываются, сливаются во мгле.
У окна раскрытого задумалась весна,
И заря вечерняя с далекой высоты
Бросила последние, багряные цветы,
И неслышно в комнаты спустилась тишина.
Смокла сказка длинная... Затихла... Вот опять
Зазвенела в сумраке бледнеющего дня.
Голос тихий, ласковый баюкает меня...
Чей он? Разве знаю я и разве надо знать?

И мне горит звезда в пустынном мире,
И мне грозит стрела на бранном поле,
И мне готов венок на каждом пире,
И мне вскипает горечь в каждой боли.

Не потеряешь, смерть, меня вовеки!
Я — эхо, брошенное с гор в долины.
Да повторюсь я в каждом человеке,
Как новый взлет волны, всегда единой.

1915

Как много рассказать без слова
Пустые звуки могут мне!
Шаги прохожего ночного,
Когда не спится в тишине,
Часов на ратуше немецкой
Звнящая раздумно медь,
Случайный вальс, пустой и светский,
Иль нищий, пробующий петь.
Когда же полночь мне доносит
Гудки далеких поездов,
Как беспокойно сердце просит,
Как бедный мир желанно нов!

Памяти Скрябина

Начало жизни было — звук.
Спираль во мгле гудела, пела,
Торжественный сужая круг,
Пока ядро не затвердело.

И все оцепенело вдруг.
Но в жилах недр, в глубинах тела
Звук воплотился в сердца стук,
И в пульс, и в ритм вселенной целой.

И стала сердцевиной твердь,
Цветущей, грубой плотью звука.
И стала музыка поручкой
Того, что мы вернемся в смерть.

Что нас умчат спирали звенья
Обратно в звук, в развоплощенье.

1916—1955

А. Н. Толстому

Для каждого есть в мире звук,
Единственный, неповторенный.
Его в пути услышишь вдруг
И, дрогнув, ждешь замороженный.

Одним звучат колокола
Воспоминанием сладчайшим,
Другим — звенящая игла
Цикад над деревенской чащей.

Поющий рог, шумящий лист,
Органа гул, простой и строгий,
Разбойничий, недобрый свист
Над темной полевой дорогой.

Шагов бессонный стук в ночи,
Морей тяжелое дыханье,
И все струи и все ключи
Пронзают бедное сознание.

А мне одна поет краса!
То рокоча, то замирая,

Кристалльной фуги голоса
Звонят воспоминаньем рая.

О, строгий, солнечный уют!
Я слышу: в звуках этих голых
Четыре ангела поют —
Два огорченных, два веселых.

Весна 1916

Когда последнее настигло увяданье
И тень зловещая сокрыла милый свет,
Расцвел нежданно мой алый, вешний цвет,
Благоухает он — и нет ему названья.

Так, на развалинах, на каждом пепелище
Ведет к расцвету нас последняя печаль.
Благословенен час, когда земли не жаль,
Когда бесстрашен взлет души свободной, нищей.

Не с теми я, кто жизнь встречает,
Как равную своей мечте,
Кто в достижениях замедляет
Разбег к заоблачной черте,

Кто видит в мире только вещи,
Кто не провидит через них
Предчувствий тягостных своих
Смысл и печальный, и зловещий.

Но чужды мне и те, что в мире
Как стран заоблачных гонцы.
Мне не по силам их венцы
И золото на их порфире.

Иду одна по бездорожью,
Томясь, предчувствуя, грустя.
Иду, бреду в селенье божье,
Его заблудшее дитя...

Амур откормленный, любви гонец крылатый!
Ужели и моих томлений ты вожатый?
Не верю. Ты, любовь, печальница моя,
Пришла незваная. Согрета тайно я
Твоей улыбкою и благостной, и строгой.
Ты шла нагорною, пустынною дорогой,
Остановилась в пути, как странник дальний,
И глянула в глаза и грозно, и печально.

О, как согласно еще пылает
Твой свет закатный, мой свет восходный!
А ночь разлуку нам возвещает
Звездой бессонной, звездой походной.

Прощай, любимый, прощай, единый!
Уж гаснет пламень роскошно-праздный,
В лицо повеял мне ветер пустынный,
И путь нам разный, и посох разный.

Я вспомнила наш вечер первый,
Неву и быстрый бег коней.
Дворцы, сады... Во мгле аллей
Фигуру каменной Минервы.

На мост въезжали, помню, шагом.
Ты волоса мне целовал,
Когда их ветер душистым флагом
В осеннем буйстве развевал.

Была свободнее и чище
Неутоленная любовь.
Зачем мы уголенья ищем
И разбиваем сердце вновь?

Когда подругою небесной
Зовет меня влюбленный друг,—
Какою бурей телесной
Ему отвечает мой дух!

Какою ревностью горячей
Душа к земле пригвождена!
Не называй меня иначе,—
Я только смертная жена.

Я знаю пыльные дороги,
На милой коже тлен и тень,
И каждый пестрый и убогий,
Закату обреченный день,

И все блаженные юродства
Неутоляющей любви,
Когда два духа ищут сходства
В одной судьбе, в одной крови.

Благословим светло и просто
Земное, горькое вино,
Пока иным в тиши погоста
Нам причаститься не дано.

Февраль 1918. Москва

Подумала я о родном человеке,
Целуя его утомленные руки:
И ты ведь их сложишь навеки, навеки,
И нам не осилить последней разлуки.

Как смертных сближает земная усталость,
Как всех нас равняет одна неизбежность!
Мне душу расширила новая жалость,
И новая близость, и новая нежность.

И дико мне было припомнить, что гложет
Любовь нашу горечь, напрасные муки.
О, будем любить, пока смерть не уложит
На сердце ненужном ненужные руки!

Так суждено преданьем, чтобы
У русской девы первый хмель
Одни лелеяли сугробы,
Румяный холод да метель.

И мне раскрылись колыбелью
Глухой Олонии снега
В краю, где сумрачною елью
Озер синеют берега,

Где невеселые просторы
Лишь ветер мерит да ямщик,
Когда, косясь на волчьи норы,
Пронесят кони напрямик.

Не потому ль — всем розам юга
И всем обычаям назло —
В снегах, покуда пела вьюга,
Впервые сердце расцвело!

И чем смиреннее и туже
В бутон был скручен строгий цвет,
Тем горячей румянит стужа
Его негаданный расцвет!

Январь 1917. Москва

Мороз оледенил дорогу.
Ты мне сказал: «Не упади»,
И шел, заботливый и строгий,
Держа мой локоть у груди.
Собаки лаяли за речкой,
И над деревней стыл дымок,
Растянут в синее колечко.
Со мною в ногу ты не мог
Попасть, и мы смеялись оба.
Остановились, обнялись...
И буду помнить я до гроба,
Как два дыханья поднялись,
Свились, и на морозе ровно
Теплело облачко двух душ.
И я подумала любовно:
— И там мы вместе, милый муж!

Январь 1918. Москва

Над дымным храпом рысака
Вздывает ветер облака.

В глухую ночь, в туманы, в снег
Уносит сани легкий бег.

Ни шевельнуться, ни вздохнуть —
Холодный воздух режет грудь.

Во мраке дачи и сады,
И запах снега и воды.

О, пожалей, остановись,
Уйми коней лихую рысь!

Но тверже за спиной рука,
Все громче посвист ямщика,

Все безнадежней, все нежней
Звонят бубенчики коней, —

И сумасшедшая луна
В глазах твоих отражена.

1915

Алексей — Человек божий,
с гор вода.

Календарь, 17 марта

Алексей — с гор вода!
Стала я на ломкой льдине,
И несет меня — куда? —
Ветер звонкий, ветер синий.

Алексей — с гор вода!
Ах, не страшно, если тает
Под ногой кусочек льда,
Если сердце утопает!

1918

Вторая неделя поста,
А здесь уж забыли о стужах.
В деревьях сквозит чернота,
И голубь полощется в лужах.

А в милой Москве еще снег,
Звон великопостный и тихий,
И санок раскидистый бег
В сугробах широкой Плющихи.

Теперь бы пойти на Арбат
Дорогою нашей всегдашней!
Над городом галки кричат,
Кружат над кремлевскою башней.

Ты помнишь наш путь снеговой,
Счастливый и грустный немножко,
Вдоль старенькой церкви смешной,—
Николы на Куриих Ножках?

Любовь и раздумье. Снежок.
И вдруг, неожиданно, шалость,
И шуба твоя, как мешок...
Запомнилась каждая малость:

Медовый дымок табака,—
(Я к кэпстену знаю привычку),—

И то, как застыла рука,—
Лень было надеть рукавичку...

Затоптан другими наш след,
Счастливая наша дорожка,
Но имени сладостней нет —
Никола на Куриих Ножках!

Март 1919. Одесса

Звенел рососою юный стих мой
И музыкой в семнадцать лет.
Неприхотлив и прост поэт,
Воспламененный первой рифмой.

Но лишь хорей золотые
Взнуздали жизнь,— она мертва!
Окаменев, лежат слова,
Всем грузом плоти налитые.

И все бессильнее закреп
Над зыбью духа непослушной.
О слово, неподвижный склеп,
Тебе ль хранить огонь воздушный!

Март 1919. Одесса

БОЛЕЗНЬ

Покрой мне ноги теплым пледом,
И рядом сядь, и руку дай,
И будет с ласковым соседом
Малиновый мне сладок чай.

Пускай жарок, едва заметный,
Гудит свинцом в моей руке,—
Я нежности ветхозаветной
Прохладу чую на щеке.

Все меньше слов, все меньше силы,
Я вздохом говорю с тобой,
И словно воздух льется в жилы,
Невыразимо голубой!

Февраль 1919. Одесса

Сестре

Как много на лице зажглось
Смешных веснушек золотистых.
И ландыша фарфор душистый
В девичьем узелке волос.

Прикрыв рукою загорелой
Глаза, ты в поле смотришь, вдаль...
Морщинкой детскою, несмелой
У милых губ легла печаль.

А там, в полях, устав от зноя,
Пылит дорогу чей-то конь,
И мимо, мимо... Солнце злое
Льет белый, медленный огонь.

Запомню этот деревенский
Горячий день, весну и даль,
И нежных губ, еще не женских,
Еще бесслезную печаль!

П. Д. Успенскому

Напрасно мертвый бледный лик
Нас пустотой своей тревожит.
Что было хоть единый миг,
Не быть уж никогда не может!

Мы оживляли бледный тлен,
А ныне смерть над ним владычит.
Пускай в сомнительный свой плен
Несуществующее кличет!

О смерть, угрюмый Дон-Кихот,
Воюй, коси живые тени!
Освобожденная, взойдет
Душа на новые ступени...

День прошел, да мало толку!
Потушили в зале елку.
Спит, забытый на верхушке,
Ангел, бледный от луны.
Золотой орешек с елки
Положу я под подушку —
Будут радостные сны.

В час урочный скрипнет дверца —
Это сон взойдет и ляжет
К изголовью моему.
— Спи, мой ангел, — тихо скажет.
Золотой орешек-сердце
Положу на грудь ему.

Шатается по горенке,
Не сыщет уголка
Сестрица некрещеная,
Бессонная тоска.

Присядет возле ног моих,
Колени обовьет,
Бормочет мне знакомый стих
И все поет, поет.

И руки бесприютные
Все прячет мне на грудь,
Глядит глазами смутными,
Раскосыми чуть-чуть...

Как высказать себя в любви?
Не доверяй зовущим взглядам.
Знакомым сердце не зови,
С тобою бьющееся рядом.

Среди людей, в мельканье дней,
Спроси себя, кого ты знаешь?
Ах, в мертвый хоровод теней
Живые руки ты вплетаешь!

И кто мне скажет, что ищу
У милых глаз в лазури темной?
Овеяна их тишью дремной,
О чем томительно грущу?

Хочу ли тайной жизни реку
В колодцы светлые замкнуть?
О, если б ведать трудный путь
От человека к человеку!

Надеть бы шапку-невидимку
И через жизнь пройти бы так!
Не тронут люди нелюдимку,
Ведь ей никто ни друг, ни враг.

Ведет раздумье и раздолье
Ее в скитаньях далеко.
Неуязвимо сердце болью,
Глаза раскрыты широко.

И есть ли что мудрее, люди, —
Так, молча, пронести в тиши
На приговор последних судей
Неискаженный лик души!

Рвануло грудь, и подхватила,
Запела гулкая свирель.
Я видела, как уронила
Былые руки на постель.

Я видела, как муж, рыдая,
Сжал тело мертвое мое.
И все качнулось, в свете тая.
Так вот оно — небытие!

Вздохнуть хотела бы — нет дыхания,
Взглянуть хотела бы — забыла взор.
Как шумы вод — земли восклицания,
Как эхо — гонятся вслед рыдания,
Костяшки слов, панихиды хор,
И вопль, как нож: ах, что же это!
Вопль без ответа
Далеко где-то.

И вот по воздуху, по синему —
Спираль, развернутая в линию,

Я льюсь, я ширюсь, я звеню
Навстречу гулкому огню.
Меня качают звоны, гуды,
И музыки громовой груды
Встречают радостной грозой
Новорожденный голос мой.

Проволочив гремучий хвост
Немало верст по курским шпалам,
Промчал наш поезд утром алым
Через Оку железный мост.

И в поле стал, на полустанке.
В купе — светло, а у окна —
Стекланный голос коноплянки,
Заря, прохлада и весна...

Нет ни души. С реки доносит
Туманы ила и песков,
Да баба милостыню просит
С пучком убогих васильков.

Но, боже мой, каким ответом
И отзвуком единый раз
На бедном полустанке этом
Вся молодость моя зажглась!

Озноб зари, весны и счастья...
Там в поле было суждено
Мне жизни первое причастье,
И не повторится оно!

9 октября 1921. Камб

О, беспощадная, унылая угроза
Трех этих слов —
В последний раз!
Когда сентябрьская пылает роза
Среди ветров
В последний раз.

День отгорел и снял свои уборы,
Вздыхни о нем!
Слетает ночь на темные просторы,
Шумит крылом
В последний раз!

И цвет, и звук, и в небе струйка дыма,
И ветра взмах,
В окне лицо, которое любимо,
Лицо в слезах —
В последний раз!

И был ли день, еще не схороненный
В грядущем дне,
И был ли час?

И даже ты, мой свет уединенный,
Ты светишь мне
В последний раз!

Ах, все вокруг живет так мало, мало,
Спешит цвести!
Вот было, есть, и вот уж прошлым стало...
Прости, прости,
В последний раз!

Осень 1914

ОТ ЛУКАВОГО

(1906—1921)

Не окрылить крылом плеча мне правого,
Когда на левом волочу грехи.
Не искушай, — я знаю, от лукавого
И голод мой, и жажда, и стихи.

Не ангелом-хранителем хранима я, —
Мечта-кликуша за руку ведет,
И купина твоя неопалимая
Не для меня пылает и цветет.

Кто говорил об упоенье вымысла?
Благословлял поэзии дары?
Ах, ни одна душа еще не вынесла
Бесследно этой дьявольской игры!

МОЕ НАЧАЛО

Нет, не грядущее мне дико,
А прошлое небытие!
Ужель с младенческого крика
Возникновение мое?

Меня иному память учит.
Пусть жизнь из мрака начата,
Порой томит ее и мучит
Воспоминания тшета.

И часто по дороге древней
Я духом возвращаюсь вспять,
Чтоб проследить мой путь кочевный
И нить в прошедшем оборвать.

Но нет конца ей, вдаль бегущей...
И я, раздумьем жизнь дробя,
На миг и в прошлом, как в грядущем,
Теряю в вечности себя!

Когда архангела труба
Из гроба нас подымет пением,
Одна нас поведет судьба
По рассветающим селениям.

И там, на берегах реки,
Где рай цветет нам уготованный,
Не выпущу твоей руки,
Когда-то на земле целованной.

Мы сядем рядом, в стороне
От серафимов, от прославленных,
И будем помнить о земле,
О всех следах, на ней оставленных...

1914

Любовь, любовь, небесный воин!
Куда летит твое копьё?
Кто гнева дивного достоин?
Кто примет в сердце острие?

Ах, я боюсь, что мимо, мимо
Летит благословенный гнев!
О, будь, любовь, неумолима
Ко мне, надменнойшей из дев!

—
Твоих небесных своеволий
Возжаждала душа моя.
Дай гибели, дай сердцу боли
Пронзающего острия!

Мое смирение лукаво,
Моя покорность лишь до срока.
Струит горячую отраву
Мое подземное сирокко.

И будет сердце взрыву радо,
Я в бурю, в ночь раскрою двери.
Пойми меня, мне надо, надо
Освобождающей потери!

О час безрадостный, безбольный!
Взлетает дух, и нищ, и светел,
И гонит ветер своевольный
Вослед за ним остывший пепел.

1915. Москва

Высокомерная молодость,
Я о тебе не жалею!
Полное пены и холода
Сердце беречь для кого?

Близится полдень мой с грозами,
Весь в плодоносном цветении.
Вижу — с блаженными розами
Колос и терн перевит.

Пусть не одною усладою —
Убылью, горечью тления,
Смертною тянет прохладой
Из расцветающих недр, —

Радуйся, к жертве готовое,
На острие вознесенное,
Зрей и цвети, исступленное
Сердце, и падай, как плод!

Декабрь 1917. Москва

Таро — египетские карты —
Я разложила на полу.
Здесь мудрость темная Астарты,—
Цветы, приросшие к жезлу,

Мечи и кубки... Символ древний,
К стихиям мира тайный ключ,
Цветы и лев у ног царевны,
И голубой астральный луч.

В фигурах, сложенных искусно,
Здесь в треугольник, там в венок,
Мне говорили, светит тускло
Наследной истины намек.

Но разве мир не одинаков
В веках, и ныне, и всегда,
От каббалы халдейских знаков
До неба, где горит звезда?

Все та же мудрость, мудрость праха,
И в ней все тот же наш двойник —
Тоски, бессилия и страха
Через века глядящий лик.

Фаусту прикидывался пуделем,
Женщиной к пустыннику входил,
Простирал над сумасшедшим Врубелем
Острый угол демоновых крыл.

Мне ж грозишь иными приворотами,
Душу испытываешь красотой,
Сторожишь в углах перед киотами
В завитке иконы золотой.

Закипаешь всеми злыми ядами
В музыке, в преданиях, в стихах,
Уязвляешь голосами, взглядами,
Лунным шаром бродишь в облаках.

А когда наскучит сердцу пениться,
Косу расплету ночной порой, —
Ты глядишь из зеркала смиренницей —
Мною, нечестивою, самой.

Апрель 1919. Одесса

Утратила я в смене дней
Мою простую радость жизни,
И прихоти души моей
Все безотрадной, все капризней.

Как помнить ваш певучий зов,
О легкой жизни впечатленья,
Бесцельной радости кипенье,
Очарованье пустыков!

Я их забыла. Труден путь.
Мой груз мне душу тяжело давит,
И мысль, мешая отдохнуть,
Моею жизнью ныне правит.

И тяжким шагом, не спеша,
Как труженик в толпе блаженной,
Проходит с ношею священной
Загроможденная душа.

Такое яблоко в саду
Смущало бедную праматерь.
А я,— как мимо я пройду?
Прости обеих нас, создатель!

Желтей турецких янтарей
Его сторонка тeneвая,
Зато другая — огневая,
Как розан вятских кустарей.

Сорву. Ужель сильней запрет
Веселой радости звериной?
А если выгянет сосед —
Я поделюсь с ним половиной.

Сентябрь 1921. Камб

Яблоко, протянутое Еве,
Было вкуса — меди, соли, желчи,
Запаха — земли и диких плевел,
Цвета — бузины и ягод волчьих.

Яд слюною пенной и зловонной
Рот обжег праматери, и новью
Побежал по жилам воспаленным,
И в обиде божьей назван — кровью.

Июль 1921. Камб

Г А Д А Н Ь Е

Горит свеча. Ложатся карты.
Смущенных глаз не подниму.
Прижму, как мальчик древней Спарты,
Лисицу к сердцу моему.

Меж черных пик девяткой красной,
Упавшей дерзко с высоты,
Как запоздало, как напрасно
Моей судьбе предсказан ты!

На краткий миг, на миг единый
Скрестили карты два пути.
А путь наш длинный, длинный, длинный,
И жизнь торопит нас идти.

Чуть запылав, остынут угли,
И стороной пройдет гроза...
Зачем же весте, как хоругви,
Четыре падают туза?

Июль 1921. Камб

Мне воли не давай. Как дикую козу,
Держи на привязи бунтующее сердце.
Чтобы стегать меня — сломай в полях лозу,
Чтобы кормить меня — дай трав острее перца.
Веревку у колен затягивай узлом,
Не то, неровен час, взмахнут мои копытца
И золотом сверкнут. И в небо напролом...
Прости, любовь!.. Ты будешь сердцу снится...

Июль 1921. Камб

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Недаром пела нам гитара
О роковой, о нежной встрече.
Опять сияньем и угаром
Цыганский голос давит плечи.

Глядеть на милое лицо
Твое, ах, лучше бы не надо.
Другое на руке кольцо,
И новый голос плачет рядом.

Но тот же ты, и та же я,
Пускай полжизни бури взрыли.
Ах, ты да я... Ах, ты да я...
Мы ничему не изменили.

Ноябрь 1921. Берлин

РАЗЛУКА

(1935—1938)

А я опять пишу о том,
О чем не говорят стихами,
О самом тайном и простом,
О том, чего боимся сами.

Судьба различна у стихов.
Мои обнажены до дрожи.
Они — как жалоба, как зов,
Они — как родинка на коже.

Но кто-то губы освежит
Моей неутоленной жаждой,
Пока живая жизнь дрожит,
Распята в этой строчке каждой.

Небо называют — голубым,
Солнце называют — золотым,

Время называют — невозвратным,
Море называют — необъятным,

Называют женщину — любимой,
Называют смерть — неотвратимой,

Называют истины — святыми,
Называют страсти — роковыми.

Как же мне любовь мою назвать,
Чтобы ничего не повторять?

Больше не будет свидания,
Больше не будет встречи.
Жизни благоухание
Тленьем легло на плечи.

Как же твое объятие,
Сладостное до боли,
Стало моим проклятием,
Стало моей неволей?

Нет. Уходи. Святотатства
Не совершу над любовью.
Пусть монастырское братство,
Пусть одиночество вдове,

Пусть за глухими воротами
Дни в монотонном уборе.
Что же мне делать с вами,
Недогоревшие зори?

Скройте вы за облаками,
Больше вы не светите!
Озеро перед глазами,
В нем — затонувший Китеж.

Ты спишь, а я гляжу, бессонная,
В лицо твое, преображенное
Холодным таинством луны.
И всю нежностью утраченной,
И всей разлукой предназначенной
Мои раздумия полны.

Твое лицо — как цвет магнолии,
И на груди лежит в безволии
Рука, скрещенная с рукой,
В такой усталости утонченной,
Как будто все уже окончено
И все исполнено тобой.

БЕССОННИЦА

Он не приходит перед сном ко мне
Сказать, как прежде: спи, спокойной ночи!
Уснул весь дом, и ревность в тишине
Опять все те же доводы бормочет.

Зачем когтишь ты, старая, меня,
Бессонницей мне изнуряешь тело,
Ожогами нечистого огня?
Не им светилась я, не им горела.

Не слушаю. Не верю. Не хочу.
Я в темноту протягиваю руки,
Зову любовь, и плачу, и шепчу
Благословение разлуке.

Он неизбежен, убыли закон.
Не распадай же сердце мне, старуха!
Забывать. Уснуть. Пусть вечным будет сон,
Без сновидения, без памяти, без слуха.

Люби другую, с ней дели
Труды высокие и чувства,
Ее тщеславье утоли
Великолепием искусства.

Пускай избранница несет
Почетный груз твоих забот:
И суеты столпотворенье,
И праздников водоворот,
И отдых твой, и вдохновенье, —
Пусть все своим она зовет.

Но если ночью иль во сне
Взалкает память обо мне
Предосудительно и больно,
И, сиротеющим плечом
Ища плечо мое, невольно
Ты вздрогнешь, — милый, мне довольно,
Я не жалею ни о чем!

Как песок между пальцев, уходит жизнь.
Дней осталось не так уж и много.
Поднимись на откос и постой, оглядись,—
Не твоя ль оборвалась дорога?

Равнодушный твой спутник идет впереди
И давно уже выпустил руку.
Хоть зови — не зови, хоть гляди — не гляди,
Каждый шаг ускоряет разлуку.

Что ж стоишь ты? Завыть, заскулить от тоски,
Как скулит перед смертью собака...
Или память, и сердце, и горло — в тиски
И шагать — до последнего мрака.

Так тебе спокойно, так тебе не трудно,
Если издалека я тебя люблю.
В доме твоём шумно, в жизни — многолюдно,
В этой жизни нежность чем я уголю?

Отшумели шумы, отгорели зори,
День трудов окончен. Ты устал, мой друг?
С кем ты коротаешь в тихом разговоре
За вечерней трубкой медленный досуг?

Долго ночь колдует в одинокой спальне,
Записная книжка на ночном столе...
Облик равнодушный льдинкою печальной
За окошком звездным светится во мгле.

Милый, бедный, глупый! Только смерть научит
Оценить, оплакать то, что не ценил.
А пока мы живы, пусть ничто не мучит,
Только бы ты счастлив и спокоен был.

Нет! Это было преступленьем,
Так целым миром пренебречь
Для одного тебя, чтоб тенью
У ног твоих покорно лечь.

Она осуждена жестоко,
Уединенная любовь,
Перегоревшая до срока,
Она не возродится вновь.

Глаза, распахнутые болью,
Глядят на мир, как в первый раз,
Дивясь простору и раздолью
И свету, греющему нас.

А мир цветет, как первозданный,
В скрещенье радуги и бурь,
И льет потоками на раны
И свет, и воздух, и лазурь.

Он тосковал по мне когда-то
На этом дальнем берегу,
О том свидетельство я свято
В старинных письмах берегу.

Теперь другою сердце полно.
Он к той же гавани плывет,
И тот же ветер, те же волны
Ему навстречу море шлет.

И, посетив мои кладбища,
В пыли исхоженных дорог,
Увы, он с новой жадой ищет
Следы иных, любимых ног!

Зачем же сердцу верить в чудо
И сторожить забытый дом?
О, верность, горькая причуда,
Она не кончится добром!

Вспоминается ль тебе
Берег в камешках отлогий,
Запах дыни на арбе,
Что везла нас по дороге?

Мы татарских злых собак
Разбудили на деревне,
И скрипела нам арба
О кочевьях жизни древней,

О скитаньях, о судьбе,
Пожелавшей нашей встречи...
Вспоминается ль тебе
Тот далекий крымский вечер?

Памяти внука Алеши

Упадут перегородочки,
Свет забрезжится впотьмах.
Уплывет он в узкой лодочке,
С медным крестиком в руках.

Будет все как полагается,—
Здесь, на холмике сыром,
Может, кто-то разрыдается,
Кто-то вспомнит о былом.

И вернуться все трамваями
В мир привычной суеты.
Так умерших забываем мы.
Так его забудешь ты?

Тень от облака бежит по лугу.
Пробежала — и опять светло.
Дай мне руку и простим друг другу.
Все, что было, — бьелью поросло.

Не от счастья я была счастливой,
Не от горя горевала я.
Родилась такой уж, юродивой, —
Не кори меня, любовь моя!

За твою досаду, за обиду
Заплатила дорогой ценой.
Если встречу — не подам и виду,
Что земля уходит подо мной.

Родится новый Геродот
И наши дни увековечит.
Вергилий новый воспоеет
Года пророчеств и увечий.

Но будет ли помянут он,
Тот день, когда пылали розы
И воздух был изнеможен
В приморской деревушке Козы,

Где волн певучая гроза
Органом свадебным гудела,
Когда впервые я в глаза
Тебе, любовь моя, глядела?

Нет! Этот знойный день в Крыму
Для вечности так мало значит.
Его забудут, но ему
Бессмертье суждено иначе.

Оно в стихах. Быть может, тут,
На недописанной странице,
Где рифм воздушные границы,
Не прах, а пламень берегут!

Лифт, поднимаясь, гудит.
Хлопнула дверь — не ко мне.
Слушаю долго гудки
Мимо летящих машин.

Снова слабею и жду
Неповторимых свиданий,
Снова тоска раскаляет
Угли остывших обид.

Полно сражаться, мой друг!
Разве же ты не устала?
Времени вечный поток
Разве воротись назад?

Будем размеренно жить
Бурям наперекор!
Вечером лампу зажжем,
Книгу раскроем,

С Блоком ночной разговор
Будем мы длить до зари...

Что это? Старость? Покой?
Убыль воинственных сил?

Нет. Но все ближе порог
Неотвратимых свиданий.
Слышишь? Все ближе шаги
Тех, кто ушел навсегда!

3 февраля 1940

Твоих очков забытое стекло,
Такой пустяк, — подумай!
И вот уж память мне опять заволокло
Меланхолическою думой.

О вещи, сверстники неповторимых дней!
Вы нас переживете.
Надежней вы, и проще, и верней,
Не сдвинет время вас в полете.

Где тот, кого в пути сопровождали вы?
И был ли он? Не верю.
Глухонемых вещей свидетельства — мертвы,
Они не выдадут потерю.

Они останутся, как памятник тому,
Что в этой жизни непреодолимо
Скользит к изнеможенью своему
И улетает струйкой дыма.

Мне снится твой голос над тихой рекой
И лунный свет.
Рука моя снова с твоей рукой,
Разлуки нет.

О, счастье мое! Я проснуться боюсь,
Боюсь вздохнуть.
Ты, призрак, ты, тень неживая, молю,—
Побудь, побудь!

Но тает твой облик, луной осиян,
Струится он.
Я только речной обнимаю туман,
Целую — сон!

Уж мне не время, не к лицу
Сводить в стихах с любовью счеты.
Подходят дни мои к концу,
И зорь осенних позолоту

Сокрыла ночи пелена.
Сижу одна у водоема,
Где призрак жизни невесомый
Качает памяти волна.

Сядь рядом. Голову к плечу
Дай прислонить сестре усталой.
О днях прошедших я молчу,
А будущих — осталось мало.

Мы тишины еще такой
Не знали, тишины прощенья.
Как два крыла, рука с рукой
В последнем соприкосновенье.

ВИНОГРАДНЫЙ ЛИСТ

(1938—1941)

Виноградный лист в моей тетради,
Очевидец дней былых и той
Осени, что в спелом винограде
Разлилась отравой золотой.

Выпито вино того разлива
Уж давно. И гол, и пуст, и чист
Виноградник, где он так красиво
Пламенел, засохший этот лист.

Те стихи, в которые закладкой
Вложен он,— боюсь перечитать.
Запах осени, сухой и сладкий,
Источает старая тетрадь.

Было все со мной не попросту,
Все не так, как у людей.
Я не жаловала попусту
Шалой юности затей.

В ночь морозную, крещенскую
Не гадала у свечи.
Со знахаркой деревенскую
Не шепталась на печи.

Не роняла слезы девичьи
На холодную постель,
Поджидая королевича
Из-за тридевять земель.

Ни веселой, ни монашенкой
Я в народе не слыла.
Над моей высокой башенкой
Месяц поднял два крыла.

По ночам пугали филины,
Да и те не ко двору.
Я шелками птицу Сирина
Вышивала по ковру.

Домик с песнями, с причудами
Лунный ветер навещал.

Сны серебряными грудями
К изголовью навевал.

Горностаевою шкуркою
Укрывал от холодов,
Называл меня снегуркою
С олонецких берегов.

И за то, что недотрогою
Прожила до этих пор,
Ныне страшною дорогою
Жизнь выводит на простор.

Шатким мостиком над пропастью,
По разорам пустырей...
Все теперь со мною попросту,
Все теперь как у людей!

Глядя на луч пурпурного заката...

Быть старомодной не боюсь,
И полный грусти тривиальной
Романс я помню наизусть.
Как доносил мне эту грусть
Твой голос страстный и печальный!

И память сердца ль виновата
Иль память слуха, не пойму,
Но я покорствую ему.
И над Невой, как встарь когда-то,
Твой «луч пурпурного заката»
Горит скитанью моему!

В ГРАНАТНОМ ПЕРЕУЛКЕ

I

В небе веточка, нависая,
Разрезает луны овал.
Эту лиственницу Хокусайя
Синей тушью нарисовал.

Здравствуй, деревце-собеседник,
Сторож девичьего окна,
Вдохновений моих наследник,
Нерассказанная весна!

В эту встречу трудно поверить,
Глажу снова шершавый ствол.
Рыбой, выброшенной на берег,
Юность бьется о мой подол...

II

Тот же месяц, изогнутый тонко,
Над московскою крышей блестит.
Та же лиственница-японка
У балконных дверей шелестит.

Но давно уж моим не зовется
Этот сад и покинутый дом.
Что же сердце так бешено бьется,
Словно ищет спасенья в былом?

Если б даже весна воскресила
Топором изувеченный сад,
Если б дней центробежная сила
Повернула движенье назад, —

В этом царстве пустых антресолей
Я следа все равно б не нашла
От девичьих моих своеволий,
Постояла — и прочь пошла!

III

Сестре

Когда-то, в юные года,
Далекою весною,
Похоронили мы дрозда
В саду, под бузиною.

И кукол усадив рядом
За столик камышовый,
Поминки справили потом
И ели клей вишневый.

А через много, много лет
Пришли с сестрой туда же
Взглянуть на сад, а сада нет,
Следа не видно даже.

Многоэтажная гора
Окон на небоскребе.
— Пойдем,— сказала мне сестра,—
Мы здесь чужие, обе.

А я стою и глупых слез
Ни от кого не прячу.
Хороший был, веселый дрозд,—
Вот почему я плачу.

Затравила оленя охота,
Долго он не сдавался врагу,
Он бежал по лесам, по болотам,
След кровавый ронял на снегу.

Гналась по следу гончая стая,
Пел все ближе охотничий рог,
И, почуяв, что смерть настигает,
Он на землю встречать ее лег.

Окружили его звероловы
И, добив, вспоминали не раз
На снегу, полный влаги лиловой,
Смертной мукой расширенный глаз.

М И Т Е

I

Друг с другом за руку идем,
Пока желаний дремлет сила,
И детства чистый водоем
Ни страсть, ни желчь не замутила.

Но будет день. Он предназначен.
Разлуке двери распахну.
Прощай! Лети, как лист, подхвачен
Порывом бури в вышину.

И будет день, сама предам
Тебя любви. Склонив колени,
Как Исаака Авраам,
Сложу на угли наслаждений.

Живи. Люби. Гори. Свети.
И, отгорев, как факел бурный,
Последней искрою лети
Ко мне на грудь, как пепел в урну!

II

Как формула, вся жизнь продумана,
Как труп анатомом, разъята.
Играет сын сонату Шумана,
Мою любимую когда-то.

И снова, музыкой взволнована,
Покою жизнь противоречит.
И все, что волей было сковано,
Взлетает музыке навстречу.

Играй, мой сын! Все были молоды.
И ты, как все, утраты встретишь
И на бесчисленные доводы
Страданью музыкой ответишь.

В СТАРОЙ МОСКВЕ

Памяти Е. М. Лопатиной

В гостиной беседа за чайною чашкой.
В углах уже тени, а в окнах — закат.
И кружатся галки над Сивцевым Вражком,
И март, и капель, и к вечерне звонят.

Давно карандашик ментоловый водит
Хозяйка над бровью, скрывая мигрень.
Но вот и последняя гостья уходит,
Кончается долгий и суетный день.

И в доме тогда зажигаются свечи,
А их на стене повторяет трюмо.
Платок оренбургский накинув на плечи,
Она перечитывает письмо.

Письмо о разрыве, о близкой разлуке.
«Ты слишком умна, чтоб меня осудить...»
Почти незаметно дрожат ее руки.
Две просьбы в конце: позабыть и простить.

Свеча оплывает шафрановым воском,
И, верно, страдание так молодит,
Что женщина кажется снова подростком,
Когда на свечу неподвижно глядит.

В МУЗЕЕ

Знакомая музейная хандра
Влечет меня по эрмитажным залам.
За окнами — Нева, снежинок мошкара,
И в небе — Петропавловское жало.

А здесь почит в рамках красота
Нетленная, как в пышных саркофагах.
Мадонн мне улыбаются уста
И праздник Брейгеля кипит в цветах и флагах.

Там — рыбы Снайдерса, олени потроха,
Лимоны, устрицы на блюде,
Здесь — бабочка на виноградной гряде
Навеки замерла, бессмертна и тиха.

Зал Рубенса. Цветы. Венерин грот.
Богиня возлежит на львиной шкуре,
Прикрыв рукою розовый живот.
Над ней крыло трепещет на амуре.

А рядом — холодеющий закат,
И мирт, и плющ в развалинах Лоррена.
Я возвращаюсь мыслями назад,
На кладбище надежд моих и тлена.

Воспоминания! Художник, не они ль
Вечерней жизнью нашей правят?

Закатов наших бронзовую пыль
В бессмертные виденья плавят?

Вдохнем и постоим. Густеет тень.
Проходит сторож со звонком по залам.
Так короток декабрьский этот день,
Так незаметно я устала.

И в сумерках, спускаясь на гранит
Дворцовой набережной, в вихре вьюги,
Я вспоминаю ласковый магнит —
Улыбку Леонардовой подруги.

Нас потомки не осудят,
Не до нас потомкам будет.
Все понятным станет в мире,
Станет дважды два четыре.

В пепле прошлого не роясь,
К свету выйдя из потемок,
Затянув потуже пояс,
В дело ринется потомок.

Потому, что будет дела
Больше, чем рабочих дней,
И мишени для прицела
Будут ближе и точней.

Но, пожалуй, будет нечем
Тешить музы баловство.
Ей на ветреные плечи
Ляжет формул торжество.

И крыла с такою гирей
Ей, крылатой, не поднять.
Ей, грешившей в старом мире,
Так и чудится опять,
Что, быть может, не четыре —
Дважды два, а снова пять!

М. Л. Лозинскому

Отшумят пустые шумы,
И отсеются дела.
Спросят внуки-многодумы:
Муза чем твоя жила?

Чем дышала в этом мире,
Взрытом бурею до дна?
И уликою на лире
Будет каждая струна.

Ты ответить внукам сможешь,
Не слукавишь для красы.
И терцины им положишь
Дивным грузом на весы.

Памяти Марины Цветаевой

Писем связка, стихи да сухие цветы —
Вот и все, что наследуют внуки.
Вот и все, что оставила, гордая, ты
После бурь вдохновенья и муки.

А ведь жизнь на заре, как густое вино,
Закипала языческой пеной!
И луна, и жасмины врывались в окно
С легкокрылой мазуркой Шопена.

Были быстры шаги, и движенья легки,
И слова нетерпеньем согреты.
И сверкали на сгибе девичьей руки,
По-цыгански звенели браслеты!

О, надменная юность! Ты зрела в бреду
Колдовских бормотаний поэта.
Ты стихами клялась: исповедую, жду! —
И ждала незакатного света.

А уж тучи свивали грозный венок
Над твоей головой обреченной.

Жизнь, как пес шелудивый, скулила у ног,
Выла в небо о гибели черной.

И Елабугой кончилась эта земля,
Что бескрайные дали простерла,
И все та ж захлестнула и сжала петля
Сладкозвучной поэзии горло.

НА ОЗЕРЕ СЕЛИГЕР

(1938—1940)

Какая-то птичка вверху, на сосне,
Свистит в ля миноре две тонкие нотки.
Я слушаю долго ее в тишине,
Качаясь у берега в старенькой лодке.

Потом камыши раздвигаю веслом
И дальше плыву по озерным просторам.
На сердце особенно как-то светло,
И птичьим согрето оно разговором.

1939. Заречье

Слышу, как стукнет топор,
В озере булькнет уклея,
Птичий спугнув разговор,
Свистнет в сосне красношейка.

Лес, словно пена, шипит
Шорохом, шепотом, свистом.
Здравствуй, озерный мой скит!
Нет ни тревог, ни обид
Мне в роднике твоём чистом.

ПРОГУЛКА

Е. И. и Н. Н. Качаловым

Много дней над Селигером
Ходят тучи хороводом
И не могут разразиться
Ни грозой, ни дождем.

Но сегодня, на прогулке,
По дороге из Заречья
Затопил нас шумный ливень,
Оглушил веселый гром.

Мы, промокшие, бежали
В буйных зарослях оврага,
По спине хлестал и прыгал
Ледяным горохом град.

А за лесом на опушке
Солнце брызнуло из тучи.
Дождь прошел. Сверкали лужи
Под ногами у ребят.

Платье мокрое компрессом
Облепило грудь и ноги,
Было весело и жарко,
В небе реяли стрижи.

А когда нам повстречался
По пути знакомый домик

(Домик-крошка, в три окошка),
Утопающий во ржи,—
И хозяин и хозяйка
На крылечке, под березой
Мокрых встретили гостей,—

Как отрадно было в доме
Сбросить мокрые одежды
Нам, промокшим до костей!
И неплохо было выпить
Целлулоидный стаканчик
Очень крепкого портвейна —
За хозяина с хозяйкой,
За грозу, за первый дождик,
За веселую прогулку,
За божественную жизнь!

1938

Я не прячу прядь седую
В тусклом золоте волос.
Я о прошлом не тоскую —
Так случилось, так пришлось.

Все светлее бескорыстье,
Все просторней новый дом,
Все короче, проще мысли
О напрасном, о былом.

Но не убыль, не усталость
Ты несешь в мой дом лесной,
Молодая моя старость
С соучастницей-весной!

Ты несешь ко мне в Заречье
Самый твой роскошный дар:
Соловьиный этот вечер
И черемухи угар.

Ты несешь такую зрелость
И такую щедрость сил,
Чтобы петь без слов хотелось
И в закат лететь без крыл.

Весна 1939. Заречье

Белой яхты движенья легки,
Ускользящий парус все меньше.
Есть на свете еще чудаки,
Что влюбляются в яхты, как в женщин.

Эти с берега долго глядят
На гонимую ветром Психею,
На ее подвенечный наряд,
На рассыпанный жемчуг за нею...

В сухом валежнике
Шуршит змея.
Ищу подснежники
В овраге я.

Сквозь листья черные,
Едва-едва,
Новорожденная
Сквозит трава.

А дятел тукает,
Долбит кору,
Весна аукает —
Ау, ау...

Апрель 1939. Заречье

Затуманил осенний дождь
Берега твои, Терегощ.
И зловеще и похоронно
Против ветра кричит ворона.

Окровавлен рябины лист,
А березовый — золотист.
Только елки, как богомолки,
Почернели, хранят иголки.

Парус штопанный рыбака
Вздул сырые свои бока.
Мчится — щуку ли догоняет?
Или просто в волнах ныряет?

А в Заречье скрипит забор,
Ветры встретились с двух озер,
Рвут солому, кидают стогом,
Трубят в рог над Николай-Рогом.

Н. М. Лозинской-Толстой

Дождь лет. Сампсоний-сеногной
Тому виной.
Так учит древняя примета.
У старика одна лишь цель:
Сгноить дождями в шесть недель
Покос бессолнечного лета.

Зато раздолье мухоморам —
Бесстыжим баловням судьбы.
Тучнеют, пучатся грибы
В лесу, в лугах, по косогорам —
Везде грибы. Готовьте кадки,
Хозяйки! Рыжик, жирный груздь
Кладите в соль в таком порядке:
На дно укроп, чеснок, и пусть
Покроет сверху лист смороды
Дары роскошные природы.

Но все же, без тепла, без света,
Дождем завесься, как фатой,
Грустит заплаканное лето,
Глядит казанской сиротой.

А ты? Готова ты отдать
Все рыжики и все засолы
За день горячий и веселый,
Когда гудят над лугом пчелы,
Сбирая меда благодать.

Но не допустит беззаконий
Упрямый дедушка Сампсоний!
Все шесть недель кропит дождем
(Права на то имея свыше),
Бубнит, бубнит, долбит по крыше,
А мы погоды ждем и ждем.

А вечерами на деревне
Старухи, сидя на бревне,
Приметою стращают древней:
Грибное лето — быть войне.

Август 1940. Заречье

Буду в городе зимою
Вспоминать вечерний плес,
В старой лодке над кормою
Золотую россыпь звезд.

Коротая вечер длинный,
Рассказать друзьям смогу
Про находку — след змеинный
На песчаном берегу.

Про веселые поляны,
Где грибы растут во мху,
Про закат, внизу румяный
И лимонный наверху.

Помяну еще, пожалуй,
Крылья легкого весла,
И байдаркины причалы
В камышах, где я плыла.

Но среди рассказов многих
Утаю бесценный дар —
Сердца лунные ожоги,
Тела солнечный загар.

Сыну моему Мите посвящаю

В О С А Д Е

(1941—1943)

Недоброй славы не бегу.
Пускай порочит тот, кто хочет,
И смерть на невском берегу
Напрасно карты мне пророчат.

Я не покину город мой,
Венчанный трауром и славой,
Здесь каждый камень мостовой —
Свидетель жизни величавой,

Здесь каждый памятник воспет
Стихом пророческим поэта,
Здесь Пушкина и Фальконета
Вдвойне бессмертен силуэт.

О память! Верным ты верна.
Твой водоем на дне колышет
Знамена, лица, имена,—
И мрамор жив, и бронза дышит.

И променять за бытие,
За тишину в глуши бесславной
Тебя, наследие мое,
Мой город великодержавный?

Нет! Это значило б предать
Себя на вечное сиротство,
За чечевицы горсть отдать
Отцовской крови первородство.

1941

В КУХНЕ

I

В кухне жить обледенелой,
Вспоминать свои грехи
И рукой окоченелой
По ночам писать стихи.

Утром — снова суматоха.
Умудри меня, господь,
Топором владея плохо,
Три полена расколоть!

Не тому меня учили
В этой жизни, вот беда!
Не туда переключили
Силу в юные года.

Печь дымится, еле греет,
В кухне копоть, как в аду.
Трубочистов нет — болеют,
С ног валяются на ходу.

Но нехитрую науку
Кто из нас не превозмог?
В дымоход засунув руку,
Выгребаю черный мох.

А потом иду за хлебом,
Становлюсь в привычный хвост.

В темноте сереет небо,
И рассвет угрюм и прост.

С черным занавесом сходна,
Вверх взлетает ночи тень,
Обнажая день холодный
И голодный — новый день.

Но с младенческим упорством
И с такой же волей жить
Выхожу в единоборство —
День грядущий заслужить.

У судьбы готова красть я,—
Да простит она меня,—
Грамы жизни, грамы счастья,
Грамы хлеба и огня!

II

В кухне крыса пляшет с голоду,
В темноте гремит кастрюлями.
Не спугнуть ее ни холодом,
Ни холерою, ни пулями.

Что беснуешься ты, старая?
Здесь и корки не доищешься,
Здесь давно уж злою карою,
Сновиденьем стала пища вся.

Иль со мною подружилась ты
И в промерзшем этом здании
Ждешь спасения, как милости,
Там, где теплится дыхание?

Поздно, друг мой, догадалась я!
И верна и не виновна ты.
Только двое нас осталось —
Сторожить пустые комнаты.

III

Рембрандта полумрак
У тлеющей печурки.
Голодных крыс гопак, —
Взлетающие шкурки.

Узорец ледяной
На стеклах уцелевших,
И силуэт сквозной
Людей, давно не евших.

У печки разговор,
Возвышенный, конечно,
О том, что время — вор,
И все недолговечно.

О том, что неспроста
Разгневали судьбу мы,
Что родина — свята,
А все мы — вольнодумы,

Что трудно хоронить,
А умереть — не трудно...
Прервав беседы нить,
Сирена стала выть
Истошно так и нудно.

Тогда брусничный чай
Разлили по стаканам,
И стала горяча
Кишечная нирвана.

Затихнул разговор,
Сирена выла глуше...
А время, старый вор,
Глядя на нас в упор,
Обкрадывало души.

НОЧНЫЕ ДЕЖУРСТВА

I

Связисты накалили печку,
Не пожалели дров.
Дежурю ночь. Не надо свечку,
Светло от угольков.

О хлебе думать надоело,
К тому же нет его.
Все меньше сил, все легче тело.
Но это ничего.

Забуду все с хорошей книгой,
Пусть за окном пальба.
Беснуйся, дом снарядом двигай, —
Не встану, так слаба.

Пьяна от книжного наркоза,
От выдуманных чувств...
Есть все же милосердья слезы,
И мир еще — не пуст!

II

На крыше пост. Гашу фонарь.
О, эти розовые ночи!
Я белые любила встарь, —
Страшнее эти и короче.

В кольце пожаров расцвела
Их угрожающая алость.
В ней все сгорит, сгорит дотла
Все, что от прошлого осталось.

Но ты, бессонница моя,
Без содрогания и риска
Глядишь в огонь небытия,
Подстерегающий так близко.

Завороженная, глядишь
На запад, в зарево Кронштадта,
На тени куполов и крыш...
Какая глушь! Какая тишь!
Да был ли город здесь когда-то?

III

После ночи дежурства такая усталость,
Что не радует даже тревоги отбой.
На рассвете домой возвращалась, шаталась,
За метелью не видя ни зги пред собой.

И хоть утро во тьме уже ртутью сквозило,
Город спал еще, кутаясь в зимнюю муть.
Одиночества час. Почему-то знобило,
И хотелось согреться, хотелось уснуть.

Дома чайник вскипал на железной времянке,
Уцелевшие окна потели теплом,
Я стелила постель себе на оттоманке,
Положив к изголовью Диккенса том.

О, блаженство покоя! Что может быть слаще
И дороже тебя? Да святится тот час,
Когда город наш, между тревогами спящий,
Тишиной утешает недолгою нас.

ЗА ВОДОЙ

Привяжи к саням ведро,
И поедем за водой.
За мостом крутая горка,—
Осторожней с горки той!

Эту прорубь каждый знает
На канале крепостном.
Впереди народ шагает,
Позади звенит ведром.

Опустить на дно веревку,
Лечь ничком на голый лед,—
Видно, дедову сноровку
Не забыл еще народ!

Как ледышки рукавички,
Не согнуть их нипочем.
Коромысло с непривычки
Плещет воду за плечом.

Кружит вьюга над Невоею,
В белых перьях, в серебре...
Двести лет назад с водою
Было так же при Петре.

Но в пути многовековом
Снова жизнь меняет шаг,

И над крепостью Петровой
Плещет в небе новый флаг.

Не фрегаты, а литые
Вмерзли в берег крейсера,—
И не снились такие
В мореходных снах Петра.

И не снилось, чтобы в тучах
Шмель над городом кружил
И с гудением могучим
Невский берег сторожил.

Да! Петру была б загадка:
Лязг и грохот, танка ход,
И за танком — ленинградка,
Что с винтовкою идет.

Ну, а мы с тобой ведерко
По-петровски доведем.
Осторожней! Видишь — горка.
Мы и горку обогнем.

20 декабря 1941

Смерти злой бубенец
Зазвенел у двери.
Неужели конец?
Не хочу. Не верю!

Сложат, пятки вперед,
К санкам привяжут.
— Всем придет свой черед,—
Прохожие скажут.

Не легко проволочь
По льду, по ухабам.
Рыть совсем уж невмочь
От голода слабым.

Отдохни, мой сынок,
Сядь на холмик с лопатой,
Съешь мой смертный паек,
За два дня вперед взятый.

Февраль 1942

НА УЛИЦЕ

I

Иду в темноте, вдоль воронок.
Прожекторы щупают небо.
Прохожие. Плачет ребенок
И просит у матери хлеба.

А мать надорвалась от ноши
И вязнет в сугробах и ямах.
— Не плачь, потерпи, мой хороший,—
И что-то бормочет о граммах.

Их лиц я во мраке не вижу,
Подслушала горе вслепую,
Но к сердцу придвинулась ближе
Осада, в которой живу я.

II

На салазках, кокон пряменький
Спеленав, везет
Мать заплаканная, в валенках,
А метель метет.

Старушонка лезет в очередь,
Охает, крестясь:
«У моей, вот тоже, дочери,
Схоронен вчерась.

Бог прибрал, и, слава господу,
Легше им и нам.
Я сама-то скоро с ног спаду
С этих сб ста грамм».

Труден путь, далек до кладбища,
Как с могилой быть?
Довезти сама смогла б еще,—
Сможет ли зарыть?

А не сможет — сложат в братскую,
Сложат, как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.

И спешат по снегу валенки,—
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

III

Шаркнул выстрел. И дрожь по коже,
Точно кнут обжег.
И смеется в лицо прохожий:
«Получай паек!»

За девицей с тугим портфелем
Старичок по панели
Еле-еле
Бредет.

«Мы на прошлой неделе
Мурку съели,
А теперь — этот вот...»
Шевелится в портфеле
И зловеще мяукает кот.

Под ногами хрустят
На снегу оконные стекла.
Бабы мрачно, в ряд
У пустого ларька стоят.
«Что дают?» — «Говорят,
Иждивенцам и детям — свекла».

IV

Обледенелая дорожка
Посередине мостовой.
Свернешь в сторонку хоть немножко, —
В сугробы ухнешь с головой,

Туда, где в снеговых подушках
Зимует пленником пурги
Троллейбус, пестрый, как игрушка,
Как домик бабушки Яги.

В серебряном обледененье
Его стекло и стенок дуб.
Ничком, на кожаном сиденье
Лежит давно замерзший труп.

А рядом, волоча салазки,
Заехав в этакую даль,
Прохожий косится с опаской
На быта мрачную деталь.

V

За спиной свистит шрапнель.
Каждый кончик нерва взвинчен.
Бабий голос сквозь метель:
«А у Льва Толстого нынче
Выдавали мервишель!»

Мервишель? У Льва Толстого?
Снится, что ли, этот бред?
Заметает вьюга след.
Ни фонарика живого,
Ни звезды на небе нет.

VI

Как привиденья беззаконные,
Дома зияют беззаконные
На снежных площадях.
И, запевая смертной птичкою,
Сирена с ветром переключкою
Братаются впотьмах.

Вдали, над крепостью Петровою,
Прожектор молнию лиловую
То гасит, то зажжет.
А выше — звездочка булавкою
Над Зимней светится канавкою
И город стережет.

VII

Идут по улице дружинницы
В противогазах, и у хобота
У каждой, как у именинницы,
Сирени веточка приколотая.

Весна. Война. Все согласовано.
И нет ни в чем противоречия.
А я стою, гляжу взволнованно
На облики нечеловечии.

VIII

Вдоль проспекта, по сухой канавке,
Ни к селу ни к городу цветы.
Рядом с богородицыной травкой
Огоньки куриной слепоты.

Понимаю, что июль в разгаре
И что полдень жатвы недалек,
Если даже здесь, на тротуаре,
Каблуком раздавлен василек.

Понимаю, что в блокаде лето,
И, как чудо, здесь, на мостовой,
Каменноостровского букета
Я вдыхаю запах полевой.

Лето 1942

ОТЪЕЗД

I

Паровозик свистнул тощий,
И махнул платок — прости!
Чем старше мы, тем проще
Нам и эту боль снести.

Только с сердцем сладить надо,
Крепко сжать его в комок.
Так. Прощай, моя отрада.
Добрый путь тебе, сынок.

II

А писем нет. И мы уж перестали
Ждать дня, который вместе проведем.
Дрожит на люстре и звенит хрусталик,
Зенитки бухают и сотрясают дом.

А за окном ханжой сирена воеет,
О гибели, проклятая, скулит.
Беспечность ли, желанье ли покоя
Мне в эту гибель верить не велит?

Пишу стихи, и к смерти не готова
Я в эти дни. А ты? Ты к ней готов?
Открытку с фронта, два бы только слова,
Хотя бы молнию, что жив ты и здоров!

Раны лечат только временем,
Срок не далеко.
Даже смерть простым забвением
Залечить легко.

Будет день — на небо ясное
Тишина взойдет.
Из-за облака фугасная
К нам не упадет.

Будет день — в прихожей маленькой
Будет толчея.
Я стяну с внучонка валенки.
Вот она — семья!

Затопчут ножки быстрые
В комнату мою.
Я до той минуты выстою,
Клятву в том даю.

Если ж нет... Сотрется временем,
Станет — далеко.
Даже смерть простым забвением
Залечить легко.

ЧИТАЯ ДИККЕНСА

Никнет, дрожит фитилек,
Копоти больше, чем света.
Но ни один огонек
Не был дороже, чем этот.

Диккенс забытый. Добром
Дышит бессмертным страница.
И сострадания бром
С повестью в сердце струится.

Тьма за окном, как в аду.
Что эта тьма затаила?
Чую, с добром не в ладу
Ночи нечистая сила.

Слышу, взрывается мрак,
Бьет пулемет под сурдинку.
Снова проклятый маньяк
Смерти заводит волюнку.

Что ему светлая ширь.
Дум, милосердьи любви?
Крови возжаждал, упырь,
Уничтоженья и крови!

Никнет, дрожит фитилек,
Словно на тоненьком стебле

Сел золотой мотылек,
Ветра дыханьем колеблем.

Но, принимая из рук
В руки его, как лампаду,
Мы пронесем его, друг,
Через войну и блокаду.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

М. Н. Филипповой

Машенька! Нам город не прощает
Слез и жалоб, расточенных зря.
Дела много. Больше, чем вмещает
Зимний день короткий декабря.

Этот день мы вытянем, как жребий,
Стойкие в удачах и в беде,
И не будем говорить о хлебе,
И не будем думать о еде.

Мы с тобою не герои. Люди
Фронта мы, каленые сердца.
Нам понятен разговор орудий,
Ясен довод пули и свинца.

Иногда и похандрить придется,
Повстречать бессонницей зарю.
С орденом Никола твой вернется,
В сотый раз тебе я говорю!

Машенька, давай не подкачаем,
Вахту ленинградскую держа!
Сорок третий мы вдвоем встречаем.
Нет вина, что ж — чокнемся и чаем,
Каждым часом дружбы дорожа!

ТРИ ВЕРНОСТИ

Письмо

А. П. Остроумовой-Лебедевой

I

При встрече с вами память привела
Тридцатилетней давности дела.
День петербургский, серенький такой,
Струится дождь по стеклам мастерской,

И вы, соседка по мольберту, рядом,
Палитрой заслоня мне окно,
Откинулись, окидывая взглядом
Мазок, положенный на полотно.

На животе натурщицы в то утро —
Вы помните? — всей гаммой перламутра
Светилась кожа, и такой она
В этюде вашем запечатлена.

Вы молоды еще. Но каждый вернисаж
В салонах «Мир искусства» — праздник ваш.
Бакст, Сомов, Бенуа — мы рядом с ними
В каталогах встречали ваше имя.

И, помнится, не я одна тогда,
Соседством с вами в студии горда,
Не понимала: вы, гравер и мастер,
Зачем вы здесь? И неужели в Баксте
Нуждается ваш изощренный глаз?

Как мы тогда не понимали вас!
Теперь мы знаем: суждено учиться
Художнику всегда. Таким уж он рождается.
Таким и был прилежный ваш талант,
Природы вдохновенный лаборант.

Бежали годы. В Детскосельском парке
Другая встреча с вами. Полдень жаркий.
Благоухает скошенное сено.
Чугунная скамья. Альбомчик неизменный

У вас в руках. Я к вам не подошла.
Кругом такая тишина была,
В какой беседуют с природою творцы,
В какой рождаются искусства образцы.

Свернув с пути, я на «Большой каприз»
Взбежала, помню, поглядела вниз
И видела серебряные ивы,
Которые вы кистью торопливой,

Разливами воздушной акварели
В альбоме в этот день запечатлели.
Да! Вы из тех, кому судьбою дан
С природою пожизненный роман.

Вот почему так не хотелось мне
Мешать свиданию с ней наедине.

Я шла и думала о том, как вы богаты,
Как защищают вас искусства латы

От суеты, от лести, от ударов,
От страсти сокрушительных пожаров,
И, завистью томимая и грустью,
Сама тянулась к творческому устью.

IV

Когда глядишь на эти сочетанья
Сугробов с охрой каменного зданья,
На пепел облаков, пересеченный
Береговой Ростральной колонной,

На кружево оград под кущами дерев,
На камень у воды, где лапу поднял лев,—
В цветной гравюре, взятой наугад,
Ты узнаешь: да, это Ленинград.

Как он угадан в белизне и черни
Гравюры вашей! Нежностью дочерней
Рисунок линий строгих отеплен.
И классика и жизнь. Такой нам дорог он.

V

И здесь, художница, мне суждено
вас встретить
В год потрясений, в сорок третий —
Суровый год геройства и побед.
Блокады прорванной еще дымится след.

Еще свежи под ледяною пленкой
Фугасных бомб зловещие воронки.
Они, как раны в снежной белизне,
На Выборгской зияют стороне.

Сидим и друг на друга смотрим мы.
Ищу следов мучительной зимы.
Я вижу их. Но все ж, крепка порода
В закале страшного сорок второго года!

След на руках. Вот так, до синевы
Они у нас надолго промерзали,
Когда зубец пилы мы в них вонзали,
Когда тащили ведра из Невы.

Смотрю гравюры. Перечень трудов,
За этот год исполненных, читаю.
Я вашу жизнь геройством называю,
Других не подбирая слов.

Вы улыбаетесь: «Геройство? Почему?
Не понимаю. Проще и точнее:

Верна самой себе, искусству своему
И городу. Иначе — не умею.
Иначе — смерть, подорванные корни».

И в комнате становится просторней
От этих слов, и дышится легко.
Художница! Как просто, глубоко
Определили вы и подвиг этой жизни,
И смысл искусства, верного Отчизне.

Три верности! Себе, ему и ей,
Бессмертной Родине, истоку наших дней.
Три верности! Мы их соединим
В одну — великую, и с нею победим!

1943

Ты пишешь письма, ты зовешь,
Ты к жизни сытой просишь в гости.
Ты прав по-своему. Ну что ж!
И я права в своем упорстве.

Мне это время по плечу, —
Не думай, что изнемогаю.
За битвой с песнею лечу
И в ногу с голодом шагаю.

И если надо выбирать
Судьбу — не обольщусь другою.
Утешусь гордою мечтою —
За этот город умирать!

С детства трусихой была,
С детства поднять не могла
Веки бессонные Вию.
В сказках накопленный хлам
Страх сторожил по углам,
Шорохи слушал ночные.

Крался ко мне вурдалак,
Сердце сжимала в кулак
Лапка выжиги сухая.
И, как тарантул, впотьмах,
Хиздрик вбегал на руках,
Хилые ноги вздымая.

А домовой? А Кашей?
Мало ль на свете вещей,
Кровь леденящих до дрожи?
Мало ль загробных гонцов,
Духов, чертей, мертвецов
С окаменевшею кожей?

Мало ль бессонных ночей
В бреднях, смолы горячей,
Попусту перегорало?
Ныне пришли времена, —
Жизнь по-простому страшна,
Я же бесстрашную стала.

И не во сне — наяву
С крысою в кухне живу,
В обледенелой пустыне.
Смерти пронесится вой,
Рвется снаряд за стеной, —
Сердце не дрогнет, не стынет.

Если на труп у дверей
Лестницы черной моей
Я в темноте спотыкаюсь, —
Где же тут страх, посудите?
Руки сложить на груди
К мертвому я наклоняюсь.

Спросишь: откуда такой
Каменно-твердый покой?
Что же нас так закалило?
Знаю. Об этом молчу.
Встали плечом мы к плечу —
Вот он, покой наш и сила!

В ЛАЗАРЕТЕ

Ей было суждено не умереть, а жить.
И в перевязочной не проронила звука.
Но лоб испариной ей увлажнила мука,
Она просила губы освежить.

«Жить буду!» — вдруг сказала. Сорвала
Повязку с глаз и сестрам улыбнулась.
Тогда старуха, что над ней нагнулась,
Как тень от изголовья отплыла,
Не в силах подкосить летящего крыла.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ждет у моря израненный город,
Мне к его изголовью пора.
Распахнула у шубы мне ворот,
Тайно крестит меня сестра.

И, подхвачена бурей железной,
Отрываюсь легко от земли
И лечу над привычною бездной
В полыханье заката вдали.

Как и надо для летной погоды,
Ветер сух, но все крепче, острей,—
Встречный, с запада, веющий йодом,
Ветер Балтики, ветер морей.

И уже узнаю сквозь туманы,
В серебристых разливах воды,
Город, славой венчающий раны,
Город преодоленной беды.

Протянувший каналы, как струны,
Вдоль решеток дворцов и садов,
Самый мужественный, самый юный,
Самый верный среди городов!

ВЕСНА 1943 ГОДА

Наперекор событиям — живу
И радуюсь апрельской непогоде.
Гляжу с моста на бурную Неву —
Свистит и суетится парходик,

И манит к странствиям весенняя вода,
И дует ветер корабельный.
А плыть куда? В какие города?
Когда доплыть нельзя нам и до Стрельны.

Блокада! Вот оно, проклятое кольцо,
Невы свободной тяжкое удушье,
И запах гари с берега, в лицо,
И облаков весенних равнодушье.

Нет! Мимо, мимо пролетай, апрель!
Еще ты мне не сверстник, не попугчик.
Закалена и выстрадана цель,
Мне от нее не отвлекаться лучше!

В три дня с ледоходом управиться
Успела Нева-красавица,
И я видеть с моста могла,
Как по самой по серединке,
На последней, на ладожской льдинке
Немецкая каска плыла.

А над каскою чайка кружила,
Словно вражий трофей сторожила,
Покуда не скрылся из глаз.
Был закат цвета крови и меди,
И о новой, о крымской победе
Извещали по радио нас.

Блокады прорвав удушье,
В город ветер ворвался с кочевья.
Неужели весна? Черной тушью
Нарисованы в небе деревья.

А мосты над Невой — как радуги.
Под мостами — крикливые стайки:
Подгоняют льдину из Ладоги,
Суеются балтийские чайки.

Про победы летит с берегов реки
Громкий радиоразговор.
И, почуяв тепло, дистрофики
Выползают из зимних нор.

Неужели весна? Все та же,
Что сводила когда-то с ума?
Что без зова приходит на стражу
И без спроса уходит сама?

Т И Ш И Н А

День странно тихий. Он такой,
Каким давным-давно уж не был.
И мы, как воду, пьем покой
Непотревоженного неба.

Нам тишина — почти обновка,
Почти что — возвращенный рай,
Уже на прежних остановках
Спокойно люди ждут трамвай.

И гусеница ребятишек
По солнцу в ближний сквер ползет.
Теперь ничто их не спугнет,—
Капель одна с весенней крыши
На них, быть может, упадет.

О город мой! Дышать мне вольно,
В лицо мне веет ветер твой,—
Что ж мне не весело, а больно
Глядеть в просторы за Невой?

И думать пристально, бесцельно
О тех, кого я не верну,
Кто пал за Пулково, за Стрельну,
За нас, за эту тишину...

Сердце трудное не радо,
Чем его ни ублажай,
Даже солнцем Ленинграда,
Даже тем, что снова май.

Память зреет, память мучит,
И не мил мне белый свет.
И не праздновать бы лучше
Мне на празднике побед!

По пятам за мною следом —
Тени, тени... Сколько их!
Салютуя всем победам
Всех соратников живых,

Подымают к небу чашу,
Молят, чашею грозя:
Причаститесь кровью нашей,
Ею брезговать нельзя!

Майский жук прямо в книгу с разлета упал,
На страницу раскрытую — «Домби и сын».
Пожужжал и по-мертвому лапки поджал.
О каком одиночестве Диккенс писал?
Человек никогда не бывает один.

Если птица залетит в окно,
Это к смерти,— люди говорят.
Не пугай приметой. Все равно
Раньше птиц к нам пули залетят.

Но сегодня,— солнце ли, весна ль,—
Прямо с неба в комнату нырнул
Красногрудый, стукнулся в рояль,
Заметался и на шкаф порхнул.

Снегирек, наверно, молодой!
Еле жив от страха сам, небось.
Ты ко мне со смертью иль с бедой
Залетел, непрошенный мой гость?

За диван забился в уголок.
Все равно! — к добру ли, не к добру,
Трепетанья птичьего комок,
Жизни дрожь в ладони я беру,

Подношу к раскрытому окну,
Разжимаю руки. Не летишь?

Все еще не веришь в глубину?
Вот она! Лети, лети, глупыш,

Смерти вестник, мой недолгий гость!
Ты нисколько не похож на ту,
Что влетает в комнаты, как злость,
Со змеиным свистом на лету.

1943

Лето ленинградское в неволе.
Все брожу по новым пустырям,
И сухой репейник на подоле
Приношу я в сумерках к дверям.

Белой ночью все зудит комарик,
На обиды жалуется мне.
За окном шаги на тротуаре —
Кто-то возвращается к жене...

И всю ночь далекий запах гари
Не дает забыть мне о войне.

Лето 1943

ГРОЗА НАД ЛЕНИНГРАДОМ

Гром, старый гром обыкновенный
Над городом загрохотал.
— Кустарщина! — сказал военный,
Махнул рукой и зашагал.

И даже дети не смутились
Блеснувших молний бирюзой.
Они под дождиком резвились,
Забыв, что некогда крестились
Их деды под такой грозой.

И празднично деревья мокли
В купели древнего Ильи.
Но вдруг завыл истошным воплем
Сигнал тревоги, и вдали

Зенитка рывкнула овчаркой,
Снаряд по тучам полыхнул,
Так неожиданно, так жарко
Обрушив треск, огонь и гул.

— Вот это посерьезней дело! —
Сказал прохожий на ходу,

И все вокруг оцепенело,
Почуя в воздухе беду.

В подвалах затаились дети,
Недетский ужас затая.
На молнии глядела я...
Кого грозой на этом свете
Пугаешь ты, пророк Илья?

А муза не шагает в ногу, —
Как в сказке, своевольной дурочкой
Идет на похороны с дудочкой,
На свадьбе — плачет у порога.

Она, на выдумки искусница,
Поет под грохот артобстрела
О том, что бабочка-капустница
В окно трамвая залетела,

О том, что заросли картошками
На поле Марсовом зенитки
И под дождями и бомбежками
И те и эти не в убытке.

О том, что в амбразурах Зимнего
Дворца пустого — свиты гнезда
И только ласточкам одним в него
Влетать не страшно и не поздно,

И что легендами и травами
Зарос, как брошенная лира,
Мой город, осиянный славами,
Непобежденная Пальмира!

Этот год нас омыл, как седьмая щелочь,
О которой мы, помнишь, когда-то читали?
Оттого нас и радует каждая мелочь,
Оттого и моложе как будто бы стали.

Научились ценить все, что буднями было:
Этой лампы рабочей лимит и отраду,
Эту горку углей, что в печи не остыла,
Этот ломтик нечаянного шоколаду.

Дни «тревог», отвоеванные у смерти,
Телефонный звонок — целы ль стекла? Жива ли?
Из Елабуги твой самодельный конвертик, —
Этих радостей прежде мы не замечали.

Будет время, мы станем опять богаче,
И разборчивей станем и прихотливей,
И на многое будем смотреть иначе,
Но не будем, наверно не будем счастливей!

Ведь его не понять, это счастье, не взвесить!
Почему оно бодрствует с нами в тревогах?
Почему ему любо цвести и кудесить
Под ногами у смерти, на взрытых дорогах?

По радио дали тревоги отбой.
Пропел о покое знакомый гобой.
Окно раскрываю, и ветер влетает,
И музыка с ветром. И я узнаю

Тебя, многострунную бурю твою,
Чайковского стон лебединый, Шестая,—
По-русски простая, по-русски святая,
Как родины голос, не смолкший в бою!

Непредвиденный случай,
Иль удача моя,
Или просто живучей
Уродилась я,—

Но была не легка мне
Участь,— день изо дня,
Так вот, с камня на камень
Перепрыгивать пламень
Над пучиной огня.

Угадать направление,
Сил удвоить запас,
Чтобы ни на мгновенье
Дальний берег спасенья
Не терялся из глаз.

Верить, верить со страстью
В этот берег, такой
Очевидный, что счастья
Слышать пульс под рукой...

О какой же геройской
Говоришь ты судьбе?
Это все только поиски
Троп, ведущих к тебе.

Старик Кутузов,
Лукавая лиса,
Загнал французов
В Смоленские леса.

Была удача
Сто тридцать лет назад!
Теперь иначе
Спасем мы Ленинград.

Хитрей подведем,
Не в лес пошлем врага
И не к медведям,
А к черту на рога!

У ТРОФЕЙНОЙ ПУШКИ

Стоит короткая, как жаба,
Пудовую разинув пасть.
И преисподняя могла бы
Такое чудище проклясть.

Гляди, — вот этой раскоряке
Мишенью дивный город был!
Адмиралтейства шпиль, Исакий, —
По ним огонь ее палил.

Ей вырвали из глотки жало
И выбросили из игры
В музей, — а больше бы пристало
Такой лететь в тартарары!

ПАМЯТИ А. Н. ТОЛСТОГО

(1945—1946)

*Давность ли тысячелетий,
Давность ли жизни одной
Призваны запечатлеть мы, —
Все засосет глубиной,
Все зацветет тишиной.*

*Все сохранится, что было.
Прошлого мир недвижим.
Сколько бы жизнь ни мудрила,
Смерть мне тебя возвратила
Вновь молодым и моим.*

I

...И снится мне хутор за Волгой,
Киргизская степь, ковыли,
Протяжно рыдая и долго,
Над степью летят журавли.

И мальчик глядит босоногий
Вослед им и машет рукой:
— Летите, счастливой дороги!
Ищите весну за рекой!

И только по сердцебиенью,
По странной печали во сне
Я вдруг понимаю значение
Того, что приснилось мне.

Твое это детство степное,
Твои журавли с высоты
Рыдают, летя за весною,
И мальчик босой — это ты.

II

Я вспоминаю берег Трои,
Пустынные солончаки,
Где прах Гомеровых героев
Размыли волны и пески.

Замедлив ход, плывем сторонкой,
Дивясь безмолвию земли.
Здесь только ветер вьет воронки
В сухой кладбищенской пыли,

Да в небе коршуны степные
Кружат, сменяясь на лету,
Как в карауле часовые
У древней славы на посту.

Пески, пески — конца им нету.
Мы взглядом провожаем их
И, чтобы вспомнить землю эту,
Гомера вспоминаем стих.

Но все сбивается гекзаметр
На пароходный ритм винтов...
Бинокль туманится — слезами ль?
Дымком ли с дальних берегов?

Ты говоришь: «Мертва Эллада,
И все ж не может умереть...»

И странно мне с тобою рядом
В пустыню времени смотреть,

Туда, где снова Дарданеллы
Выводят нас на древний путь,
Где Одиссея парус белый
Волны пересекает грудь.

III

Я желтый мак на стол рабочий
В тот день поставила ему.
Сказал: «А знаешь, между прочим,
Цветы вниманью моему
Собраться помогают очень».
И поворачивал букет,
На огоньки прищурясь мака.
В окно мансарды, на паркет
Плыл Сены отраженный свет,
Павлин кричал в саду Бальзака.
И дня рабочего покой,
И милый труд оберегая,
Сидела рядом я с иглой,
Благоговев и мечтая
Над незаконченной канвой.

Далекий этот день в Пасси
Ты, память, бережно носи.

IV

Взлетая на простор покатый,
На дюн песчаную дугу,
Рвал ветер вереск лиловатый
На океанском берегу.

Мы слушали, как гул и грохот
Неудержимо нарастал.
Океанид подводный хохот
Нам разговаривать мешал.

И чтобы так или иначе
О самом главном досказать,
Пришлось мне на песке горячем
Одно лишь слово написать.

И пусть его волной и пеной
Через минуту смыл прилив, —
Оно осталось неизменно,
На лаве памяти застыв.

V

Ты был мне посохом цветущим,
Мой луч, мой хмель.
И без тебя у дней бегущих
Померкла цель.

Куда спешат они, друг с другом
Разрознены?
Гляжу на жизнь свою с испугом
Со стороны.

Мне смутен шум ее и долог,
Как сон в бреду.
А ночь зовет за темный полог:
— Идешь? — Иду.

VI

Торжественна и тяжела
Плита, придавившая плоско
Могилу твою, а была
Обещана сердцу березка.

К ней, к вечно зеленой вдали
Шли в ногу мы долго и дружно,—
Ты помнишь? И вот — не дошли.
Но плакать об этом не нужно.

Ведь жизнь мудрена, и труды
Предвижу немалые внукам:
Распутать и наши следы
В хождениях вечных по мукам.

VII

Мне все привычней вдовий жребий,
Все меньше тяготит плечо.
Горит звезда высоко в небе
Запокойною свечой.

И дольний мир с его огнями
Тускнеет пред ее огнем.
А расстоянье между нами
Короче, друг мой, с каждым днем.

VIII

Длинной дорогою жизнь подводила
К этому страшному дню.
Все, что томилось, металось, грешило,
Все предается огню.

Нет и не будет виновных отныне,
Даруй прощенье и мне.
Даруй смиренья моей гордыне
И очищенья в огне.

КОГДА ВИДЕН БЕРЕГ

(1946—1957)

Себе

На рассвете сон двоится,
Холодок какой-то снится,
И сквозь сон из тишины
Нарастает гул струны.

Странный сон, сквозной и хрупкий,
Сон, готовый на уступки...
Жизнь висит на волоске,
Бьется жилкой на виске.

Я хочу сквозь сон пробиться,
Закричать, перекреститься,
Страх осмыслить наяву,
Убедиться, что живу!

И, проснувшись, долго, странно,
На квадрат окна туманный
И на бледную зарю,
Как воскресшая, смотрю.

16 декабря 1947

(Стихотворение без эпитетов)

Т. Б. Лозинской

Клонятся травы ко сну,
Стелется в поле дымок,
Ветер качает сосну
На перекрестке дорог.

Ворон летит в темноту,
Еле колышет крылом —
Дремлет уже на лету...
Где же ночлег мой и дом?

Буду идти до утра,
Ноги привыкли идти.
Ни огонька, ни костра
Нет у меня на пути.

1948

ЛАНДЫШ

Внучке Кате Толстой

Где он, взбрызнутый росой,
Первый ландыш, ландыш мая,
Тот, что девочкой босой
В светлой роще сорвала я?

Был бубенчиков фарфор
Так невинен, так прозрачен,
Что он в памяти с тех пор
Утру жизни равнозначен.

30 ноября 1948. Больница Эрисмана

Внучке Наташе Толстой

Вот карточка. На ней мне — десять лет.
Глаза сердитые, висок подперт рукою.
Когда-то находили, что портрет
Похож, что я была действительно такою.

Жар-птицей детство отлетело вдаль,
И было ль детство? Или только сказка
Прочитана о детстве? И жила ль
На свете девочка, вот эта сероглазка?

Но есть свидетельство. И не солжет оно.
Ему, живому, сердце доверяет:
Мне трогательно видеть и смешно,
Как внучка в точности мой облик повторяет.

9 декабря 1948

Внучке Леле Толстой

Имя твое — как колокольчик:
Лель, Лель, Лель!
Ты не цветок, только бутончик.
Чуть лепестков зарумянился кончик, —
Розой раскрыться тебе суждено ль?
Имя твое — как колокольчик:
Лель, Лель, Лель...

Июль 1949

Из Малларме

Бескрыла плоть. Увы! Все книги прочтены.
Гляжу на птиц — просторами пьяны,
Над пеною морей они пронзают небо.
Туда, за ними вслед! Туда и мне бы!

Нет! Не смирит мой дух, не утолит дерзанье
Ни липы за окном сладчайшее дыханье,
Ни лампа полночи, в свету которой, чист,
Ждет вдохновения бумаги белый лист,
Ни мать, что воркованьем голубиным
В соседней комнате укачивает сына.

Земли очарования, простите!
Уже взмахнул платок, сигнал отплытий.
В чужие гавани, к причалам новых стран
Корабль от берегов уносит океан.
Валов навстречу грозное кипенье.
Я узнаю вас, вестники крушенья!

Но в скрипе мачт и в заклинаньях бури,
И в блеске ослепительном лазури
За молнией, рассекающей хаос дымный, —
Я слышу мореплавателей гимны!

1953

О Т Р Ы В О К

Из Эмерсона

О Вакх! Воспоминаний чашу мне налей!
Старее нет вина и нет хмельней.
Хмель памяти, глоток печали и огня,
Верни, верни мне самого меня!

Верни мне прошлое. Отмерь и отчекань
За днем ушедший день, за гранью грань.
А если вспять не может время течь,
Ему вином, о Вакх, противоречь!

Пусть, вне закона поступая, хмель
Пригубит тайно памяти свирель:
Она вздохнет и время остановит,
Она поет, — оно не прекословит,

И с нею возвращается назад,
В прошедшего цветущий вертоград.
Как свеж он был, и зелен, и тенист!
Надеждой трепетал в нем каждый лист...

1953

Т Р И Ц Ы Г А Н А

Из Ленау

Я встретил однажды трех цыган,
Сидели они под ивой.
Медленно плелся мой шарабан
По равнине тоскливой.

Старый цыган трубку курил,
Дымок провожая взглядом.
Казалось, он жизнь до конца изжил,—
Ничего ему больше не надо.

Другой по скрипке водил смычком,
Озаренный светом закатным,
И скрипка о счастье пела, о том,
Что счастье ушло безвозвратно.

А третий под деревом крепко спал,
Раскинув смуглые руки.
Ветер цимбалы на ветках качал,
Срывая со струн их звуки.

Так трижды мне дали цыгане понять,
Что, жизнью, как дымом, играя,

Можно пропеть ее, можно проспять,
Трижды ее презирая.

Долго на них довелось мне глядеть,
На нищих, беспечных и мудрых.
Лиц мне запомнилась жаркая медь,
Буйные, черные кудри.

1953

Он придет и ко мне, самый страшный час,
Он, быть может, не так уж и страшен.
Вздрыгнет пульс, еле слышно, в последний раз,
И заглохнет, навеки погашен.

Что ж! Представить могу, что не буду дышать,
Грудь прикрыв ледяными руками.
Что придут изголовье мое украшать
Обреченными тленью цветами.

И что «Вечную память», в который уж раз,
Возгласит панихидное пенье,
Что оно сыновьям утешенья не даст,—
Да и надо ли им утешенье?

Но понять не могу, не могу, не могу,
Как — незрим, невесом, бестелесен —
Он остынет со мной на могильном снегу,
Тайный жар вдохновений и песен!

1938—1953

Видно, было предназначено
Так, что снова довелось,
Пока сердце не растрчено,
Охмелеть от диких роз,

Охмелеть от свиста птичьего
Да от запаха сосны
Возле домика лесничего,
Над излучиной Двины.

12 июня 1954. Хутор Адамово

Внучке Лизочке

Запах вьюнчиков миндальный
Мне напомнил дальний, дальний
Полдень, знойный и хрустальный,
Полдень русских деревень.

Цепи рюмочек склоненных,
То лиловым окаймленных,
То румянцем озаренных,
Завивали мой плетень.

Цепи милого соседства!
Вас оставило в наследство
Мне бесхитростное детство, —
Вас храню до этих дней.

Но не в сердце, не в сознание,
Даже не в воспоминание, —
Я храню вас... в обонянье.
Это — дольше и верней!

1954

С О Н

Взревел гудок, как символ дальних странствий,
Взмахнул платок, как символ всех разлук.
И сон в закономерном постоянстве
Видений разворачивает круг.

На палубе большого парохода
Себя я вижу. Предо мною — мир,
И за кормой — не океана воды,
А в синеве струящийся эфир.

Рука бесплотная, предохраняя,
На плечи мне легла. Да, это он,
Астральный друг, которого ждала я,
Тоскуя с незапамятных времен!

Как символ человеческих объятий,
Его прикосновение за спиной.
И в радугу вливается он со мной,
Как в гавань света, в лоно благодати.

14 июня 1954

Утихла буря и опал
Твоих страстей девятый вал.
Мертвеет зыбь и виден в плаванье
Уже последний берег гавани,
Земного странствия причал.

Зачем же ты назад глядишь?
Как будто эта гладь и тишь
Тебе страшней, чем стоны бури?

Ты кличешь ветер, ты зовешь
Безумство волн, ты шторма ждешь
И туч на мертвенной лазури.

Август 1954

На грани смешного, на грани чудачества
Порой сокровеннейших помыслов качества!
Все в жизни как будто налажено, сглажено,
Но вот за предел приоткроется скважина,
И нечисть ворвется, гуляет по комнате...
Ведь с каждым так было,—
признайтесь, припомните!

1954

Не только к юным муза благосклонна,
И к старикам она благоволит,
Об этом нам бывшее говорит.
Старик Гомер, не ею ль вдохновленный,
Гекзаметры бессмертные слагал?
И в час, когда старинный Веймар спал,
Не ей ли Гете в тишине внимал,
Над рукописью Фауста склоненный?

Иные дни, иные времена.
Но ни на миг не прервана она,
Поэзии живая эстафета!
У стариков традиция сильна,—
Рокочут соловьи седого Фета,
И пусть порой, по прихоти поэта,
Чужая, Оссианова луна
В отеческих прудах отражена,—
Романтикам простительно и это!

Ты спросишь: а любовь? Ты скажешь: оторви
Поэзию от жизни, назови
Нам старика, воспевшего влюбленность?
А Тютчев? А в скудеющей крови
Последнего порыва исступленность,
И вдохновенье чувств, и обреченность
В элегиях о старческой любви?..

Август 1954. Хутор Адамово

Когда других я принимала за него,
Когда в других его, единого, искала,—
Он, в двух шагах от сердца моего,
Прошел неузнанный, и я о том — не знала!

1954

Как пять норвежцев на «Кон-Тики»,
И с ними Бэнгт, веселый швед,
Под парусом, в стихии дикой
Летят, угадывая след
Полинезийского набега,—

Так мы, отчаливши от берега,
На бревнах древнего ковчега
Летим на путеводный свет,
И доблести особой нет
Нам Лету пересечь, с разбега
Почти семидесяти лет!

1957

Дневник мой девичий. Записки,
Стихи, где вымысел копирует
Видения идеалистки.
А жизнь по-своему планирует,
Виденья подвергая чистке.

Но все ж... они кому-то близки.
И внучка не иронизирует,
Когда стихи мои цитирует
В своей любовной переписке.

Декабрь 1957

ВЕНОК СОНЕТОВ

(1954)

Ключ

Рожденная на стыке двух веков,
Крещенная в предгрозовой купели,
Лечу стрелою, пущенною к цели,
Над заревом пожаров и костров.

За мною мир в развалинах суров.
За мной кружат, вздымая прах, метели,
И новый век встает из колыбели,
Из пепелища истин и основ.

Еще не убран в ризы, не украшен,
Младенчески-невинен и жесток,
И дик, и наг, и наготою страшен,
Он расправляет крылья на восток.

Лечу за ним, лечу, как семя бури,
Плодотворить грядущего лазури.

I

Рожденная на стыке двух веков,
Обряды старины я чтю свято,
Не тяготили плеч моих когда-то
Грехи и суеверия отцов.

И благолепен был, и был мне нов
Мир без теней, раскрашенный богато.
Бог Саваоф, бог — пастырь бородатый
Пас дни мои у светлых берегов.

Его бичом был пламень преисподней.
Его наградой — райская трава.
Но все же перст карающий, господний
Не уберег. И лет восьми, едва,

Языческой коснулась я свирели,
Крещенная в предгрозовой купели.

II

Крещенная в предгрозовой купели,
Лады перебираю наугад.
Птенец слепой — высвистываю трели,
С гармонией порой еще вразлад.

Но тайной брагой творческих веселий
Уже меня бессонницы поят,
Уже качают с первой рифмой в лад
Меня хоря строгие качели.

Еще дитя — я детства не люблю.
Так, сил цветенья чувствуя приливы,
Полураскрыт бутон нетерпеливый,
Так юности расцвет я тороплю.

Из детства парниковых подземелий
Лечу стрелою, пущенною к цели!

III

Лечу стрелою, пущенною к цели.
Встречает мир, как птицу — океан,
И, бурями и солнцем осиян,
Громокипит соленопленным хмелем.

И первый искус был тогда мне дан,
Закал огнем был дан моей свирели.
Как в Дантов круг мы с песнею влетели,
Не ощутив ожога первых ран.

И в хоровод теней живые руки
Вплетала я. Они ловили тень.
О, кто на дыбе первой этой муки
Не звал тебя, самоубийства день,

Тобой не бредил, гений катастроф,
Над заревом пожаров и костров?

IV

Над заревом пожаров и костров
Уже двадцатый век ковал доспехи,
И под знамена собирал бойцов,
Грядущих битв определяя веки.

Свирель моя, кому твои утечи?
Бесплотные волнения стихов?
Всю эту горстку лунных пустяков —
В огонь, без колебаний, без помехи!

Я жгу стихи. Гляжу, окаменев,
Туда, в огонь, на вспыхнувшую связку,
На саламандры бешеную пляску,
На разрушенья первобытный гнев.

Срывает ветер радужный покров.
За мною мир в развалинах суров.

V

За мною мир в развалинах суров.
Я выхожу одна на бездорожье.
Я покидаю дом и отчий кров,
Не испросив благословенья божья.

Зачем оно изгнаннице? Таков
Надменный вызов прошлому. Чего ж я
Опять ищу? Опять мой дух готов
На камни пасть у нового подножья.

И чередуя навыки — роптать,
Благоговеть, отчаиваться, верить,—
Не знаю, как друг с другом сочетать
Противоречия? Какой их мерой мерить?

Куда идти? К какой стремиться цели?
За мной кружат, вздымая прах, метели.

VI

За мной кружат, вздымая прах, метели,
Занесены следы дорог и троп.
Иду, бреду, шагаю еле-еле
Навстречу ветру, дующему в лоб.

И дрожь, как ритм, я ощущаю в теле,—
Великий одиночества озноб.
Куда иду? Не сдать-ся ль в самом деле
И лечь, как в гроб, в серебряный сугроб?

Но вот вдали запел чуть слышно рог.
Он ширится, растет. Он созывает
Блуждающих и сбившихся с дорог,
Он в рев и в медь трубы перерастает.

И брезжит свет. И небеса прозрели.
И новый век встает из колыбели.

VII

И новый век встает из колыбели.
Его встречает вой и шабаш вьюг,
И вихри туч, над ним смыкая круг,
Как в дьявольской несутся карусели.

Мне страшен пир космических веселий,
Случайный гость, я прячу свой испуг,
Когда мне чашу новогодних зелий
С улыбкою протягивает друг.

Властитель помыслов и снов девичьих,
Околдовавший молодость мою!
Тебя всегда, везде я узнаю,
Под маскою любой, в любом обличье.

Теперь, как Феникс, ты восстать готов
Из пепелища истин и основ.

VIII

Из пепелища истин и основ
Восстав, ведет меня мой покровитель
В еще не освященную обитель
Еще не заселенных берегов.

Не обжит человеком этот кров,
В его стенах уюта не ищите,
Но у порога — ран моих целитель —
Журчит струя подземных родников.

И я, к истоку в первый раз припав,
Пью колдовство Тристанова напитка.
Прохлада в нем блаженная и пытка
Глубоко скрытых, медленных отрав.

И тайный мир мой, без цветов, без брашен,
Еще не убран в ризы, не украшен.

IX

Еще не убран в ризы, не украшен
Новорожденный век. И не отпет
Былой, владевший миром сотню лет.
Еще пожар последний не погашен

В развалинах дворцов его и башен,
И зарева окровавленный свет
Еще зловещ на небесах и страшен.
Но правоту и логику побед,

Скажите, кто оспаривать посмеет?
Кто против молодости устоит?
Пусть битва кровью землю напоит,
Трава на ней, как прежде, зеленеет.

И жизни торжествующий росток
Младенчески-невинен и жесток.

Х

Младенчески-невинен и жесток
Закон побед. Он судит без пощады:
Прав тот в бою, кто миновал засады,
И тот неправ — кто распростерт у ног.

Когда у победителя венок
В крови — ей оправдания не надо.
Толпа рукоплескать героям рада,
Пока им покровительствует рок.

Но колесо коварно у фортуны,
И вознесенных ею, в свой черед,
Оно раздавит. Новых вознесет,
И новых сбросит. И ворвутся гунны.

О бедный мир! Ты снова перепашен,
И дик, и наг, и наготою страшен.

XI

И дик, и наг, и наготою страшен,
Под новым знаменем шагает век.
Идет с ним в ногу новый человек,
Идут за ним сыны и внуки наши.

В тылу не счесть ни пленных, ни калек,
Ни тех, кто в страхе наспех перекрашен
В защитный цвет и для кого навек
Чадающий факел прошлого угашен.

И всех, и все с дорог своих сметет
Напор судьбы, подобный урагану.
А гений времени летит вперед,
Провозглашая новую осанну,

Его полет бесстрашен и высок.
Он расправляет крылья на восток.

XII

Он расправляет крылья на восток,
Туда, где омывают океаны
Легендами овеянные страны,
Там расцветает огненный цветок.

Его лучей животворящий ток
Пронзает мрак и золотит туманы.
Как в сказке, там живой воды исток
Смертельные залечивает раны.

Там мудрость правит. Там равно и щедро
Благами жизни все наделены.
Там в явь живую воплотились сны,
Там сева ждут алкающие недра,

И новый сеятель летит в лазури,
Лечу за ним, лечу, как семя бури.

XIII

Лечу за ним, лечу, как семя бури,
Вплетаю голос в громовой хорал!
Так флейты звук, возникший в увертюре,
С победой труб врывается в финал.

Так силы первобытные в природе
Противоречат тем, кто их сковал,
Кто все ходы, как в шахматной фигуре,
С расчетом шахматиста сочетал.

Напрасный труд. Ломая все преграды,
Гармонии взрывая тишь и гладь,—
Неукротимым силам жизни надо
Рождать и рушить, жечь и созидать,

И вновь лететь вперед на крыльях фурий,
Плодотворить грядущего лазури.

XIV

Плодотворить грядущего лазури
В полете дней от века суждено
Нам, спутникам грозы, питомцам бури,
Нам мирных дней судьбою не дано.

Не нам забавы муз, напевы гурий,
Дионисийских праздников вино,
И не для нас трепещет на амуре
Крыло, огнем любви опалено.

Мы вдохновений трудных и суровых
Возжаждали. Нам утоленья нет
В бесцельной смене радостей и бед.
Не виноградных, нет, и не лавровых, —

Терновых удостоены венков
Рожденные на стыке двух веков.

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

(1958—1961)

Разве так уж это важно,
Что по воле чьих-то сил
Ты на книге так отважно
Посвященье изменил?

Тщетны все предохраненья,—
В этой книге я жива,
Узнаю мои волненья,
Узнаю мои слова.

А тщеславья погремущи,
Что ж, бери себя назад!
Так: «Отдай мои игрушки»,—
Дети в ссоре говорят.

Январь 1958

Есть в судьбах наших равновесия закон —
Учет и наших благ, и бедствий в этом мире.
Две чаши на весах уравнивает он,
Одной — убавит груз, другой — добавит гири.

Так, чашу радостей опустошив вначале,
Закона мудрого не избежишь и ты.
Прими ж без ропота противовес печалей:
Недуги старости и бремя слепоты.

23 февраля 1958

Не дочитав, вслепую перелистывай
Страницы жизни, в шелест их вникай
И крестиком сирени аметистовым
На ощупь любоваться привыкай.

Во мраке глаз тогда воображенье
Повторит все с реальностью такой,
Что вздрогнешь ты и милое виденье
Проверишь осязающей рукой.

Февраль 1958

Уходят с поля зренья
Предметы, вещи, лица,
Теней распределение,
Их четкие границы.

Что лесом было раньше,
Зеленым стало дымом.
Но сосны-великанши
Все помнят о незримом.

Хранят в могучих лапах
И сны о нем, и думы,
Струют дремучий запах
И вековые шумы.

1958. Репино

Было холодное лето
На берегу залива.
Мглой было все одето
И расплывалось красиво.

Граница вещей терялась.
С дальней сливалась передняя.
И все почему-то казалось,
Что лето это — последнее.

1958. Решиво

К себе

Ты усомнилась в реальности
Того, что любовью зовется,
Ведь от любой банальности
Сердце ускоренно бьется.

Спорщица неукротимая,
Вечно ты жизнь критикуешь,
Вечно в края нелюдимые
Переселенцев вербуешь.

Жить по-людскому не нравится —
Лучше бы с облаком плыть;
Знаешь, моя красавица,
Трудно такой угодить.

Кто ты, скажи мне на милость,
Прошное разоблачи:
Птицей ли ты уродилась,
Музой ли с неба спустилась,
Света ли ищешь в ночи?
Не отвечай мне. Молчи.

Ночь на 8 июня 1958. Ренино

И вот опять безмолвный челн
Уплыл, рыданием преследуем.
Ток жизни выключен? Не ведаем.
Быть может, ток переключен?

А на кресте венок качается.
Кругом забвение и тишь.
«Нет, этим дело не кончается», —
Ты убежденно говоришь.

И все же, недоумевая,
Ты долго медлишь у холма,
Где скрылась жизнь и где сама
Травинок поросль молодая
Непостижима для ума.

1958. Решино

Будет все, как и раньше было,
В день, когда я умру.
Ни один трамвай не изменит маршрута.
В вузах ни один не отменят зачет,
Будет время течь, как обычно течет.

Будут сыны трудиться, а внуки учиться,
И, быть может, у внуки правнук родится.

На неделе пасхальной
Яйцо поминальное
К изголовью положат с доверием,
А быть может, сочтут суеверием
И ничего не положат.
Попусту не потревожат.

Прохожий остановится, читая:
«Крандиевская-Толстая».
Это кто такая?
Старинного, должно быть, режима...
На крест покосится и пройдет себе мимо.

1958. Больница Эрисмана

Так случилось под конец,
Не могли сбечь колец.
Потерялся твое,
Я не знаю, где мое.

Так случилось, так пришлось, —
Мукой сердце извелось.
Стало каменным твое,
И обуглилось мое.

Не ропщи и не зови,
Не вернуть назад любви.
Бродит по свету моя,
Под крестом лежит твоя.

1958. Репино

С О Н

Сон наплывал и пел, как флейта,
Вводя абсурдное в законное.
Мне снилась будка телефонная
И в окнах будки образ чей-то.

И как во сне бывает часто,
Казалась странность обыденностью,
И сон, свободный от балласта,
Пугал своей непринужденностью.

Я за окном узнала вдруг
Тебя, продрогшего от ливней.
Ты звал меня: «Вернись, прости мне,
Согрей меня, как прежде, друг...»

И в руки ледяные взял
Мои, сведенные от боли,
И боль ушла. Не оттого ли,
Что сон уйти ей приказал?

Он длился, длился... Ночь плыла,
Вводя абсурдное в законное,
И эта будка телефонная
Второю жизнью мне была.

1958. Репино

Когда ты ставишь в глиняную вазу
Листвы сентябрьской огненный букет,
Все краски осени припомни сразу
И все тона, которым равных нет.

Боярышника позднего багрянец
С кленовой веткой ты соедини,
Чтоб радовал он в пасмурные дни,
Российских рощ и осени посланец.

1958. Репино

МОГИЛА ЛЕТЧИКА

В терракотовый выкрашен цвет
Пропеллер из легкой жести,
А креста на могиле нет,
Но цветы и венки на месте.

Под пропеллером фотография,
Юный летчик, мальчик совсем,
И взамен любой эпитафии
Этот дважды простреленный шлем.

Обречен на дожди и на ветер
Коленкор похоронной ленты.
Обречен увядать букетик,
На пропеллер положенный кем-то.

Жизнь заботы и почести делит,
А смерть собирает в одно.
Крест простой, жестяной ли пропеллер —
Ей, бывалой, не все ли равно?

1958. Репино

Внучке Шурочке

Черт лица твоего я не вижу,
Слышу голос любимый твой.
Подойди ко мне, стань поближе,
Дай коснуться тебя рукой.

От волос твоих — запах теплый.
Чтоб тебя разглядеть как-нибудь,
Протираю очков своих стекла...
Надоела в глазах эта муть!

Говоришь: «Не хочу уходить».
И к плечу прислонилась невольно.
Разве этого мне не довольно,
Чтобы все же счастливою быть?

1958. Репино

Я хотела бы узнать
То, что так и не узнала.
Я хотела б досказать
Все, чего не досказала.

До пустого дна допить
Чашу, что не допила я.
До таких бы дней дожить,
До каких не дожила я.

1958. Репино

ДВОЙНИКИ

Все то, что недоступно глазу,
Все тайны помыслов моих
Во сне увидела я сразу,
Как будто следуя приказу
Намеренья проверить их.

Сон недра вскрыл мои. И вот
Взлетели тени всех пород.
И ужас мне они внушили,
Так многолики тени были:
Та хороша, а та урод,
Та до величия горда,
Та до убожества смиренна,
Та скажет «нет», та скажет «да»,
И обе правы неизменно
И неуступчивы всегда.

Та всех щедрей, а та скупа,
Та всех мудрей, а та глупа,
Та всех добрей, та просто злюка...
Нет, совладать мне с вами — мука!
Чтоб различить вас — я слепа,
Чтоб в руки взять — немногорука.

Вы и враги, вы и друзья,
И тех, и этих принимаю.
Вы — двойники мои, я знаю.
Быть может, вы и плоть моя,
Но, бога ради, кто же я?

1958. Репино

Стихи — соблазн. Стихи — дурман.
Стихи — великое притворство.
Нам в дар неосторожно дан
Избыток слов для стихотворства.

Но целомудренно проста
Порою жизнь и бессловесна.
Рифмованная красота
В ее пределах неуместна.

Повелевает жизнь: молчи,
Слова ничтожны и невнятны.
Внимай, о чем поют в ночи
Мои подземные ключи.
Они без слов. Они понятны.

1958. Репино

Г Р О З А

Низкой тучею прикрытая,
Начала гроза возню.
За волненья пережитые
Я сама себя виню.

Детский страх и суеверия
Давних бабушкиных лет.
Повторяется мистерия,
Но не тот уж пиетет.

Эти таинства природы нам
Не таинственны уже.
Словно двигают комоды там,
На последнем этаже.

Вот и молния царапнула,
Светом брызнула в глаза.
И притихло все. И капнула
Ливня первая слеза.

А за нею треск обрушило
Небо. Хлынул ровный гул.

И пока его я слушала,
Ветер окна распахнул.

Шалый, смелый... О, как верю я,
Что грозу он прочь угнал.
И окончилась мистерия.
Ливнем занавес упал.

1958. Репино

Я поняла не так давно,
Что в зеркало себя не вижу.
Чтоб разглядеть лица пятно,
Я наклоняюсь ближе, ближе,
Но черт не вижу все равно.

Быть может, зеркало — лишь средство,
Чтоб в одиночестве не быть?
Двойник мой, сверстник, спутник детства,
Участник жизни и кокетства,
Мне нелегко тебя забыть.

1958. Репино

Есть память глаз. Она воссоздает
Незримый мир в окраске и деталях —
И вереницы зорь в оранжевых вуалях,
И васильково-синий небосвод.

Все, все воображению подвластно,
Ему я верю больше, чем глазам,
И мир воображаемый, прекрасный
Ни мраку, ни унынию не предам.

Декабрь 1958. Репино

О. Д. Форш

Давно отмерена земного счастья доза,
Давно на привязи табун былых страстей,
Но, боже мой, как пахнет эта роза
Над койкою больничною моей!

Так пахла жизнь и сад, когда-то бывший,
Так пахла молодость, встречавшая зарю...
И женщине, цветы мне подарившей,
Движеньем губ «спасибо» говорю.

Декабрь 1958. Репино

Затворницею, розой белоснежной
Она цветет у сердца моего,
Она мне друг, взыскательный и нежный,
Она мне не прощает ничего.

Нет имени у ней иль очень много,
Я их перебираю не спеша:
Психея, Муза, Роза-недотрога,
Поэзия иль попросту — душа.

1960. Черная Речка

Позабуду я не скоро
Бликов солнечную сеть.
В доме были полотеры,
Были с мамой разговоры,
Я хотела умереть.

И томил, в руке зажатый,
Нашатырный пузырек.
На паркет, на клочья ваты
Дул апрельский ветерок,
Зимним рамам вышел срок...

И печально, и приятно
Умереть в шестнадцать лет...
Сохранит он, вероятно,
Мои письма и портрет.
Будет плакать или нет?

В доме благостно и чинно;
В доме — все наоборот,
Полотеры по гостиной
Ходят задом наперед,
На степенных ликах — пот.

Где бы мне от них укрыться,
В ванной, что ли, в кладовой,
Чтобы все же отравиться?
Или с мамой помириться
И остаться мне живой?..

Декабрь 1958. Ленинград

Я во сне отца спросила:
Не тесна ль тебе могила?

Ты, меня опередивший,
Как там, что там? Расскажи!
Мир живущих с миром бывших
На минутку увяжи.

Ты молчишь недоуменно,
Ты поверх меня глядишь,
И становится мгновенно
Очень страшной эта тишь.

Декабрь 1958. Репино

Что же такое мне снилось?
Вспомнить никак не могу.
Словно плыву я, словно простилась
С чем-то на том берегу.
С чем-то единым, неповторимым
Больше нигде, никогда...

И только осталось
То, с чего начиналось:
Ветер. Туман. Вода.

Декабрь 1958. Репино

Любань, и Вишера, и Клин —
Маршрут бывлых дистанций...
Был счастьем перечень один
Знакомых этих станций.

Казалось — жизнь моя текла
Сама по этим шпалам,
Огнем зеленым в путь звала,
Предупреждала алым!

И сколько встреч, разлук и слез,
И сколько ожиданий!
Красноречивых сколько роз
И роковых свиданий!

Все позади, все улеглось,
В другое путь направлен,
И мчит других электровоз,
Сверхскоростью прославлен.

Но вот рассвет над Бологим
Ничуть не изменился,
Как будто времени над ним
Сам бег остановился.

Январь 1959

Веселый спектр солнца, буйство света,
Многоцветенье красок и огней,—
Померкло все и растворилось где-то,
В бесформенном скоплении теней.

Густеет мгла и зреет тишина,—
Все служит моему сосредоточию.
И, древнему обычаю верна,
Сова Минервы вылетает ночью.

28 февраля 1957. Ленинград

Поди попробуй придерись!
Здесь я сама себе хозяйин,
Здесь узаконен, не случаен,
Оправдан каждый мой каприз.

Словами властвую. Хочу —
В полет их к солнцу посылаю.
Хочу — верну с пути, и знаю,
Что с ними все мне по плечу.

Туда забрасываю сети,
Где заводи волшебных рыб,
Где оценить улов могли б
Одни поэты лишь да дети.

Апрель 1959

ОТЪЕЗД

Как водится, перед дорогой
Давай присядем, помолчим
И старины обычай строгий
По-суеверному почтим.

Бубенчик звякнул на упряжке.
Пора! Глаза твои ищу
И ворот ситцевой рубашки
По-бабы, истово крещу.
Ну, с богом. Тучи по дороге...
Не прихватило бы дождем!
С возницей мы в солому, в ноги
Кожух испытанный кладем.

Не брезгуй, может пригодиться.
Волнение хочу сдержать
И хлопотливой притвориться.
Не забывай, сыночек, мать!

Апрель 1959

НА СМЕРТЬ КУРТИЗАНКИ

Живые розы у надгробья,
Как вызов мертвой куртизанке.
Глядит любовник исподлобья
На красоты твоей останки.

Все выжато, как грозди спелые,
Все выпито до капли. Баста.
Молчат уста окаменелые,
Уста, целованные часто.

Любовь и смерть, как две соперницы,
Здесь обнялись в последней схватке.
А людям почему-то верится,
Что все, как надо, все в порядке.

Вот только розы вянут. Душно.
Да воском кисея закапана.
И кто-то шепчет равнодушно
О недостаточности клапана.

Апрель 1959

Неприхотливый одуванчик
Был по-весеннему заманчив,
Когда вплетала я в венок
Впервые горький стебелек.

Мне вкус его знаком был с детства —
Природы-матери наследство.
Мне позабыть его нельзя,
По свету белому скользя.

Пускай слабею и ропщу, —
Я одуванчик отыщу.

Апрель 1959

Давно с недугами знакома,
И старость у меня как дома,
Но все же до сердцебиения
Хочу весны, ее цветения,
Ее пленительных тревог
И радостей (прости мне бог).

Со сроками вступаю в спор.
И до каких же это пор?
Пора бы знать, что эти сроки
Неоспоримы и жестоки.
Они как длительный конфуз
Для престарелых наших муз.

Стихами горбится подушка.
Стыдись, почтенная старушка,
И «поэтических затей»,
И одержимости своей!

Усни. Сложи на сердце руки,
И пусть тебе приснятся внуки,
Не элегический сонет.
Увы! Сонетов больше нет,
Но есть молчанье у порога,
Где обрывается дорога.

Апрель 1959

Все в этом мире приблизительно:
Струится форма, меркнет свет,
Приемлю только умозрительно
И образ каждый, и предмет.

А очевидность примитивная
Давно не тешит глаз моих.
Осталась только жизнь пассивная,
Разгул фантазии да стих.

Вот с ним, должно быть, и умру я,
Строфу последнюю рифмуя.

Апрель 1959

Здесь распластано тело мое.
Птичий голос, хваля бытие,
Все твердит заклинанье свое:
«Tu es Dieu, tu es Dieu, tu es Dieu».
Но доносит мне голос едва
Святотатственные слова,
И бездумна моя голова,
И плывет надо мной синева,
И растет надо мною трава,
Превращается жизнь в забытье,
Превращается в эхо свое,—
Tu es Dieu, tu es Dieu, tu es Dieu.

1959. Репино

Есть к стихам в голове привычка,
А рифмы всегда со мной,
Вот и эти напела мне птичка
Нынче в Кавголове, под сосной.

Вероятно, инкогнито местное,
Серогрудка какая-нибудь
Заурядная, малоизвестная
Растревожила щебетом грудь.

И не сдерживая ликования,
Славит новую эту зарю
И мое с ней сосуществование,
О котором в стихах говорю.

Лето 1959. Кавголово

Там, в двух шагах от сердца моего,
Харчевня есть — «Сиреневая ветка».
Туда прохожие заглядывают редко,
А чаще не бывает никого.

Туда я прихожу для необычных встреч.
За столик мы, два призрака, садимся,
Беззвучную ведем друг с другом речь,
Не поднимая глаз, глядим, не наглядимся.

Галлюцинации ли то, иль просто тени,
Видения, возникшие в дыму
И жив ли ты, иль умер, — не пойму...
А за окном наркоз ночной сирени
Потворствует свиданью моему.

1 ноября 1960

Из бесформенной хляби доносится вдруг:
«Вас приветствует старый, давнишний друг.
Может, вспомните дачу на взморье под Ригой,
Вы разучивали в то лето Грига.
И особенно нравилась Вам когда-то
В ми миноре стремительная соната».

Этот голос врасплох. И в ответ я молчу.
Осторожная память погасила свечу,
И на ночь стало все в этом мире похоже.
И откуда тот голос — неведомо тоже.

25 ноября 1960

Хамелеоны пестрых слов,
Коварство их и многоличье...
Спасай меня, косноязычье!
Дай рык звериный, горло птичье,
Заблудшего оленя рев!

Они правдивей во сто крат
И во сто крат красноречивей,
Когда поют с природой в лад,
Когда в бесхитростном порыве
О бытии своем вопят.

Будь как они! Завидуй им,
Они одни чисты, как пламя,
О чем не ведают и сами,
А мы лукавим, мы мудрим,
И между слов змеей скользим,
И ускользаем за словами.

Я с собой в дорогу дальнюю
Ничего не уношу.
Я в неделю поминальную
Поминанья не прошу.

И оставлю я на память вам
Все, чего не нажила,
Потому что в мире скаредном
Расточительной была.

И того лишь между прочими
Я наследным нареку,
Кто по дальней моей вотчине
Унаследует тоску.

1958—1959

Мне не спится и не рифмуется,
И ни сну, ни стихам не умею помочь.
За окном уж с зарею целуется
Полуночица — белая ночь.
Все разумного быта сторонники
На меня уж махнули рукой
За режим несуразный такой,
Но в стакане, там, на подоконнике,
Отгоняя и сон и покой,
Пахнет счастьем белый левкой.

Лето 1961

Где-то там, вероятно, в пределах иных,
Мертвых больше, чем нас, живых,
И от них никуда не уйти.
Все равно, будем мы во плоти
Или станем теньями без плоти,
Но живущим и жившим — нам всем по пути,

И мы все — на едином учете,
И цари, и плебеи, и триумвират,
И полки безымянно погибших солдат,
И Гомер, и Пракситель, и старец Сократ —
Все посмертно в единый становятся ряд.

Рядом тени-пигмеи и тени-громады,
Величавые тени героев Эллады,
Сохраняющие в веках
Не один только пепел и прах,
Но и мудрость, и мрамор, и стих Илиады.

1961

С вьюгой северной обрученная,
Приднестровских не знала я стран,
Потому за могилу Назона я
Приняла этот скифский курган,
Эти маки степные, что, рдея,
В карауле стоят до сих пор,
Перед мертвыми благоговя,
О бессмертных ведя разговор.
И пока ястребиный дозор
Над курганом, кружа, пилотирует,
Слышу я нарастающий хор,—
То гекзаметры ветер скандирует,
Унося их с собой на простор.

1961

От этих пальцев, в горстку сложенных
На успокоенной груди,
Не отрывай ты глаз встревоженных,
Дивись, безмолвствуя, гляди:
С каким смиреньем руку впадиной
Прикрыла грешная ладонь.
Ведь и ее обжег огонь,
Когда-то у богов украденный.

1961

От суетных отвыкла дел,
А стоящих — не так уж много,
И, если присмотреться строго,
Есть и у стоящих предел.

Мне умники твердили с детства:
«Все видеть — значит все понять»,
Как будто зрение не средство,
Чтобы фантазию унять.

Но пощади мои утехи,
Преобразующие мир.
Кому мешают эти вежи
И вымыслов ориентир?

1961

Когда б слепым явились способы
Трудами дни заполнить,
Не задавала я вопроса бы
Гамлета: «Быть или не быть?»

Читала б книги, пела, шила бы,
Сто раз обдумала б сонет,
Иль попросту тебя любила бы,
Когда других занятий нет.

И вымыслы воображения
В их неустанной чехарде
Гнала бы всюду и везде
И как порок больного зрения
Держала б крепко на узде.

1961

Не двигаться, не шевелиться,
Так ближним меньше беспокойства.
Вот надобно к чему стремиться,
В чем видеть мудрость и геройство.

А, в общем, грустная история.
Жизнь — промах, говоря по-русски,
Когда она лишь категория
Обременительной нагрузки.

Май 1961

ЭПИТАФИЯ

Уходят люди, и приходят люди.
Три вечных слова: БЫЛО, ЕСТЬ и БУДЕТ,
Не замыкая, повторяют круг.

Венок любви, и радости, и муки
Подхватят снова молодые руки,
Когда его мы выроним из рук.

Да будет он, и легкий, и цветущий,
Для новой жизни, нам вослед идущей,
Благоухать всей прелестью земной,

Как нам благоухал! Не бойтесь повторенья:
И смерти таинство, и таинство рожденья
Благословенны вечной новизной.

1954

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валентин Катаев. О Н. В. Крандиевской-Толстой</i>	3
От издательства	11

Дорога

ВЕТЕР

1906—1921

«О ветер, ветер! Трубач бездомный!..»	15
«Полынь, трава степной дороги...»	16
На Севере	17
«Ах, мир огромен в сумерках весной!..»	18
Весна	19
Апрель	20
«В весеннем небе замок белый...»	21
«Истома дней опаловых...»	22
«Все мне вспоминаются...»	23
«Идти в полях дорогой дальней...»	24
«Сыплет звезды август холодеющий...»	25
«Ложится осени загар...»	26
«Отчего волнует слово — роза?...»	27
Элегия	28
«Сердцу каждому внятен...»	29
«Кто знает сумерки в глуши?...»	30
В Москве	32
«Мороз затуманил широкие окна...»	33

«Засыпаю рано, как дети...»	34
«Сухой и серый лист маслины...»	35
«Уже пушистый хохолок...»	36
Прогулка с сыном	37
«Босоногий мальчик смуглый...»	38
«С севера — болота и леса...»	39

СВЕТ УЕДИНЕННЫЙ

1906—1921

«Звуки колыбельные доносятся ко мне...»	40
«И мне горит звезда в пустынном мире...»	41
«Как много рассказать без слова...»	42
«Начало жизни было — звук...»	43
«Для каждого есть в мире звук...»	44
«Когда последнее настигло увяданье...»	46
«Не с теми я, кто жизнь встречает...»	47
«Амур откормленный, любви гонец крылатый!..»	48
«О, как согласно еще пылает...»	49
«Я вспомнила наш вечер первый...»	50
«Когда подругою небесной...»	51
«Подумала я о родном человеке...»	52
«Так суждено преданьем, чтобы...»	53
«Мороз оледенил дорогу...»	54
«Над дымным храпом рысака...»	55
«Алексей — с гор вода!..»	56
«Вторая неделя поста...»	57
«Звенел рососою юный стих мой...»	59
Болезнь	60
«Как много на лице зажглось...»	61
«Напрасно мертвый бледный лик...»	62
«День прошел, да мало толку!..»	63
«Шатается по горенке...»	64
«Как высказать себя в любви?...»	65
«Надеть бы шапку-невидимку...»	66
«Рвануло грудь, и подхватила...»	67

«Проволочив гремучий хвост...»	69
«О, беспощадная, унылая угроза...»	70

ОТ ЛУКАВОГО

1906—1921

«Не окрылить крылом плеча мне правого...»	72
Мое начало	73
«Когда архангела труба...»	74
«Любовь, любовь, небесный воин!...»	75
«Мое смирение лукаво...»	76
«Высокомерная молодость...»	77
«Таро — египетские карты...»	78
«Фаусту прикидывался пуделем...»	79
«Утратила я в смене дней...»	80
«Такое яблоко в саду...»	81
«Яблоко, протянутое Еве...»	82
Гаданье	83
«Мне воли не давай. Как дикую козу...»	84
Цыганский романс	85

РАЗЛУКА

1935—1938

«А я опять пишу о том...»	86
«Небо называют — голубым...»	87
«Больше не будет свидания...»	88
«Ты спишь, а я гляжу, бессонная...»	89
Бессонница	90
«Люби другую, с ней дели...»	91
«Как песок между пальцев, уходит жизнь...»	92
«Так тебе спокойно, так тебе не трудно...»	93
«Нет! Это было преступленьем...»	94
«Он тосковал по мне когда-то...»	95
«Вспоминается ль тебе...»	96
«Упадут перегородочки...»	97

«Тень от облака бежит по лугу...»	98
«Родится новый Геродот...»	99
«Лифт, поднимаясь, гудит...»	100
«Твоих очков забытое стекло...»	102
«Мне снится твой голос над тихой рекой...» . . .	103
«Уж мне не время, не к лицу...»	104

ВИНОГРАДНЫЙ ЛИСТ

1938—1941

«Виноградный лист в моей тетради...»	105
«Было все со мной не попросту...»	106
«Быть старомодной не боюсь...»	108
В Гранатном переулке	
I. «В небе веточка, нависая...»	109
II. «Тот же месяц, изогнутый тонко»	110
III. «Когда-то, в юные года...»	111
«Затравила оленя охота...»	112
Мите	
I. «Друг с другом за руку идем...»	113
II. «Как формула, вся жизнь продумана...» . . .	114
В старой Москве	115
В музее	116
«Нас потомки не осудят...»	118
«Отшумят пустые шумы...»	120
«Писем связка, стихи да сухие цветы...»	121

НА ОЗЕРЕ СЕЛИГЕР

1938—1940

«Какая-то птичка вверху, на сосне...»	123
«Слышу, как стукнет топор...»	124
Прогулка	125
«Я не прячу прядь седую...»	127
«Белой яхты движенья легки...»	128
«В сухом валежнике...»	129

«Затуманил осенний дождь...»	130
«Дождь льет. Сампсоний-сеногной...»	131
«Буду в городе зимою...»	133

В ОСАДЕ

1941—1943

«Недоброй славы не бегу...»	134
В кухне	
I. «В кухне жить обледенелой...»	136
II. «В кухне крыса пляшет с голоду...»	138
III. «Рембрандта полумрак...»	139
Ночные дежурства	
I. «Связисты накалили печку...»	141
II. «На крыше пост. Гашу фонарь...»	142
III. «После ночи дежурства такая усталость...»	143
За водой	144
«Смерти злой бубенец...»	146
На улице	
I. «Иду в темноте, вдоль воронок...»	147
II. «На салазках, кокон пряменький...»	148
III. «Шаркнул выстрел. И дрожь по коже...»	149
IV. «Обледенелая дорожка...»	150
V. «За спиной свистит шрапнель...»	151
VI. «Как привиденья беззаконные...»	152
VII. «Идут по улице дружинницы...»	153
VIII. «Вдоль проспекта, по сухой канавке...»	154
Отъезд	
I. «Паровозик свистнул тощей...»	155
II. «А писем нет. И мы уж перестали...»	156
«Раны лечат только временем...»	157
Читая Диккенса	158
Новогодний тост	160
Три верности. <i>Письмо</i>	
I. «При встрече с вами память привела...»	161
II. «Вы молоды еще. Но каждый вернисаж...»	162

III. «Бежали годы. В Детскосельском парке...»	163
IV. «Когда глядишь на эти сочетанья...» . . .	165
V. «И здесь, художница, мне суждено вас встретить...»	166
«Ты пишешь письма, ты зовешь...»	168
«С детства трусихой была...»	169
В лазарете	171
Возвращение	172
Весна 1943 года	173
«В три дня с ледоходом управиться...»	174
«Блокады прорвав удушье...»	175
Тишина	176
«Сердце трудное не радо...»	177
«Майский жук прямо в книгу с разлета упал...»	177
«Если птица залетит в окно...»	178
«Лето ленинградское в неволе...»	180
Гроза над Ленинградом	181
«А муза не шагает в ногу...»	183
«Этот год нас омыл, как седьмая щелочь...» . . .	184
«По радио дали тревоги отбой...»	185
«Непредвиденный случай...»	186
«Старик Кутузов...»	187
У трофейной пушки	188

ПАМЯТИ А. Н. ТОЛСТОГО

1945—1946

«Давность ли тысячелетий...»	189
I. «...И снится мне хутор за Волгой...»	190
II. «Я вспоминаю берег Трои...»	191
III. «Я желтый мак на стол рабочий...»	193
IV. «Взлетая на простор покатый...»	194
V. «Ты был мне посохом цветущим...»	195
VI. «Торжественна и тяжела...»	196
VII. «Мне все привычней вдовый жребий...» . . .	197
VIII. «Длинной дорогою жизнь подводила...» . . .	198

КОГДА ВИДЕН БЕРЕГ

1946—1957

«На рассвете сон двоится...»	199
«Клонятся травы ко сну...»	200
Ландыш	201
«Вот карточка. На ней мне — десять лет...» . .	202
«Имя твое — как колокольчик...»	202
«Бескрыла плоть. Увы! Все книги прочтены...»	203
Отрывок	204
Три цыгана	205
«Он придет и ко мне, самый страшный час...» . .	207
«Видно, было предназначено...»	208
«Запах вьюнчиков миндальный...»	209
Сон («Взревел гудок, как символ дальних стран- ствий...»)	210
«Утихла буря и опал...»	211
«На грани смешного, на грани чудачества...» . . .	211
«Не только к юным муза благосклонна...» . . .	212
«Когда других я принимала за него...»	213
«Как пять норвежцев на «Кон-Тики»...»	213
«Дневник мой девичий. Записки...»	214

ВЕНОК СОНЕТОВ

1954

Ключ	215
I. «Рожденная на стыке двух веков...»	216
II. «Крещенная в предгрозовой купели...»	217
III. «Лечу стрелой, пущенной к цели...»	218
IV. «Над заревом пожаров и костров...»	219
V. «За мною мир в развалинах суров...»	220
VI. «За мной кружат, вздымая прах, метели...» . . .	221
VII. «И новый век встает из колыбели...»	222
VIII. «Из пепелища истин и основ...»	223
IX. «Еще не убран в ризы, не украшен...»	224

X. «Младенчески-невинен и жесток...»	225
XI. «И дик, и наг, и наготою страшен...»	226
XII. «Он расправляет крылья на восток...»	227
XIII. «Лечу за ним, лечу, как семя бури...»	228
XIV. «Плодотворить грядущего лазури...»	229

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

1958—1961

«Разве так уж это важно...»	230
«Есть в судьбах наших равновесия закон...»	231
«Не дочитав, вслепую перелистывай...»	232
«Уходят с поля зренья...»	233
«Было холодное лето...»	234
«Ты усомнилась в реальности...»	235
«И вот опять безмолвный челн...»	236
«Будет все, как и раньше было...»	237
«Так случилось под конец...»	238
Сон («Сон наплывал и пел, как флейта...»)	239
«Когда ты ставишь в глиняную вазу...»	240
Могила летчика	241
«Черт лица твоего я не вижу...»	242
«Я хотела бы узнать...»	243
Двойники	244
«Стихи — соблазн. Стихи — дурман...»	246
Гроза	247
«Я поняла не так давно...»	249
«Есть память глаз. Она воссоздает...»	250
«Давно отмерена земного счастья доза...»	251
«Затворницею, розой белоснежной...»	252
«Позабуду я не скоро...»	253
«Я во сне отца спросила...»	255
«Что же такое мне снилось?...»	256
«Любань, и Вишера, и Клин...»	257
«Веселый спектр солнца, буйство света...»	258
«Поди попробуй придержи!..»	259

Отъезд	260
На смерть куртизанки	261
«Неприхотливый одуванчик...»	262
«Давно с недугами знакома...»	263
«Все в этом мире приблизительно...»	264
«Здесь распластано тело мое...»	265
«Есть к стихам в голове привычка...»	266
«Там, в двух шагах от сердца моего...»	267
«Из бесформенной хляби доносится вдруг...»	268
«Хамелеоны пестрых слов...»	269
«Я с собой в дорогу дальнюю...»	270
«Мне не спится и не рифмуется...»	271
«Где-то там, вероятно, в пределах иных...»	272
«С вьюгой северной обрученная...»	273
«От этих пальцев, в горстку сложенных...»	274
«От суетных отвыкла дел...»	275
«Когда б слепым явились способы...»	276
«Не двигаться, не шевелиться...»	277
Эпитафия	278

Крандиевская-Толстая Н. В.
К78 Дорога : Стихотворения / Предисл.
В. Катаева.— М.: Худож. лит., 1985.—
287 с.

В сборник русской советской поэтессы Наталии Васильевны Крандиевской-Толстой (1888—1963) вошла лучшая часть ее поэтического наследия. Это стихи, напоминающие страницы из дневника: о детстве и юности, о ее жизни с А. Н. Толстым, стихи о блокаде Ленинграда, философские размышления о жизни и смерти, о старости, о любви.

К $\frac{4702010200-016}{028(01)-85}$ 89-85

ББК 84Р7
Р2

Наталия Васильевна Крандиевская-Толстая
Дорога. Стихотворения

Редактор *О. Новикова*
Художественный редактор *С. Гераскевич*
Технический редактор *Л. Вецкувене*
Корректоры *Г. Асланянц* и *Б. Тумян*

ИБ № 3966

Сдано в набор 07.03.84. Подписано в печать 06.02.85. А10326.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Банниковская». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5+вкл.=10,54. Усл. кр.-отт. 10,54. Уч.-изд. л. 6,67+вкл.=6,71. Изд. № III-1663.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 4-225. Цена 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Новобасманная, 19

Киевская книжная фабрика «Жовтень». 252053, Киев, Артема, 25